

RS

Луца
и
маку

Ю. КАРЧЕВСКИЙ

Н. ЛЕШКИН

Лица и маски

Башкирское книжное издательство
Уфа 1982

Карчевский Ю., Лешкин Н.

К 27   Лица и маски. 2-е изд. — Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. — 176 с.

Эта книга, написанная на документальной основе, рассказывает о некоторых из деятелей известной американской радиостанции «Свобода». Читатель узнает об их преступном прошлом и не менее преступном настоящем.

К $\frac{10\ 506-23}{М\ 121(03)-82}$ 22 3—82

66.5.

Первое издание книги «Лица и маски», выпущенной в 1975 году Башкнигоиздатом, вызвало многочисленные письма читателей с просьбой о ее переиздании. Проявление широкого интереса к книге объясняется тем, что она посвящена разоблачению подрывной деятельности печально известной радиостанции «Свобода». Окопавшиеся в ее татаро-башкирской редакции предатели Родины, бывшие пособники фашистов Г. Султан и некоторые другие, отрабатывая деньги ЦРУ, лезут из кожи вон, чтобы опорочить лагерь социализма и его оплот СССР. Грандиозные успехи нашей республики, превратившейся за годы Советской власти из отсталой окраины царской России в край высокоразвитой индустрии, сельского хозяйства и культуры, вызывают у них плохо скрытое раздражение и лютую ненависть. Будучи не в силах смириться с торжеством ленинской национальной политики, в своих передачах они льют крокодиловы слезы о якобы имеющем место угнетении татар и башкир, об их «неравноправном» положении и т. д.

Начало 80-х годов, как известно, отмечено значительным осложнением международной обстановки, которое произошло по вине реакционных кругов империализма. Взвинчивая гонку вооружений и наращивая идеологи-

ческие атаки против лагеря социализма, они пытаются укрепить свои пошатнувшиеся позиции и отбросить мир к времени «холодной» войны. В Отчетном докладе XXVI съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев отмечал: «Фактом является и заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление. Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвлечь людей от социализма. События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно». Стремясь избежать открытого и честного противоборства идей, наши идеологические противники ужесточают масштабы проведения акций идеологической диверсии, стремясь придать им большой накал антисоветизма. Значительное место в арсенале средств диверсантов на ниве идеологии по-прежнему отводится враждебной радиопропаганде. В плане наращивания психологической войны против СССР и стран социализма, как и ранее, велика роль радиостанции «Свобода». В этой связи актуальность книги «Лица и маски» еще более возрастает. Новое ее издание, на наш взгляд, будет способствовать повышению политической бдительности советских людей.

Н. БАЙНАЗАРОВ.

Фарит Ахмадуллович подписал последний лист корректуры своего нового романа, поднялся из-за стола и подошел к окну. Сквозь раскрытые створки в комнату потянуло зябкой сентябрьской свежестью. Закрывая окно, он увидел внизу, у подъезда, знакомого старичка-почтальона. Тот тоже увидел писателя, приветственно помахал ему солидной пачкой газет и писем и направился в подъезд.

Первым в глаза бросилось письмо с пометкой «Международное». Повертел его и так и эдак, пытаясь по конверту определить, от кого оно. Обратный адрес: Лондон, Англия... Это ни о чем не говорило. Судя же по штампу, письмо было опущено в почтовый ящик не в английской столице, а почему-то в Турции.

Содержание его тоже было загадочным: «Уважаемые братья. Нас отделяют большие расстояния, мы о многом не знаем... Однако мы исходим из благих намерений... Вы никогда и нигде ни слова не говорите против

несправедливости по отношению к Башкирии. О ней говорим мы...»

Письмо было написано на плохом башкирском языке. В нем оказалось немало грамматических ошибок, но еще больше, пожалуй, американизмов периода «пещерного антикоммунизма». Незнакомый корреспондент пытался затронуть, так сказать, тончайшие струнки человеческой души, задеть чувство национального достоинства, разжечь неприязнь к другим народам Советского Союза.

И почти в каждой строке: «Мы о многом не знаем, но мы... говорим...» Кто «мы»?

К письму был приложен листок с текстом, отпечатанным в типографии. Он начинался со слов, которые все прояснили: «Слушайте, слушайте! Говорят через радиостанцию «Свобода» ваши соотечественники, проживающие за границей. Наши передачи для Татарии и Башкирии...» Дальше подробно указывалось, в какое время и на какой волне можно слушать «Свободу» на татарском и башкирском языках в Уфе и Казани.

Итак, «мы» — это скандально известная американская радиостанция, один из основных подрывных шпионских и пропагандистских органов ЦРУ, еще со времен «холодной войны» расквартированная в Мюнхене. Отсюда и содержание письма.

Настроение было испорчено: почему они написали именно ему?

— Впрочем, — размышлял Фарит Ахмадулович, — мой адрес не тайна, он внесен в справочник Союза писателей СССР. Да и не ко мне лично обращается этот пасквильант, который, судя по всему, в прошлом был жи-

телем Башкирии... Однако что он знает о нас? Ничего. Ровным счетом ничего! Старается подбросить разные подлые мыслишки, вызвать сомнения в советском строе, толкнуть башкир на путь вражды к другим народам, направить их по ложной стезе. О каких «благих намерениях», о какой «несправедливости» этот эфенди говорит? Впрочем, для «Свободы» несправедливо все, что справедливо для нас, советских людей.

В конце письма и на обратной стороне конверта стояла подпись — «Азат Салават». Это и вовсе взорвало Исянгулова.

— Какой-то проходимец присвоил себе благородное имя Салавата — национального героя башкирского народа!..

Он позвонил в редакцию, попросил, чтобы за корректурой пришла не посыльная, а выпускающий редактор — Айгуль. Ему обещали. Положив трубку, он опять подошел к окну.

Уфимская детвора стайками направлялась в школу. Автобусы были полны людей. Люди спешили к станкам, агрегатам, установкам, письменным столам, чтобы начать новый трудовой день.

Исянгулов прилег на диван. Задумался. Писатель, хорошо знающий историю башкирского народа, понял, что имеет дело с антисоветчиком-националистом.

Звонок в прихожей он услышал не сразу.

Пришел Муса Гайсинович Гареев — дважды Герой Советского Союза, в прошлом боевой летчик, много сил отдающий общественной работе. Они встречаются часто. При всем различии интересов, их объединяет од-

но: оба они занимаются воспитанием советских людей и прежде всего молодежи.

Фарит Ахмадуллович, как всегда, был рад встрече с Гареевым, но внимательный взгляд Мусы Гайсиновича уловил в его настроении что-то такое, чего он не замечал прежде.

— Вы чем-то расстроены? — спросил Гареев.

— Очень хорошо, что пришли, — вместо ответа кивнул Исянгулов. — Есть над чем подумать. И вам тоже. Можете полюбоваться! — Он протянул ему письмо «Азата Салавата». — Что скажете об этом?

По мере того, как Гареев углублялся в чтение, на лице его сначала появилось удивление, потом возмущение. Вернув письмо, он медленно прошелся по кабинету.

— А ведь писал башкир...

— Бывший башкир. Отщепенец, без роду, без племени! — уточнил Исянгулов, решительно разрезая воздух рукой.

— В Западной Германии я имел встречу с одним таким «башкиром». Он называл себя почитателем таланта Мусы Джалиля. Знает и вас.

— Знает? — усмехнулся писатель. — Расскажите. — И он устроился на диване, напротив Гареева.

— Было это в то лето, когда в Федеративной Республике Германии, в городе Кемптен, проходило первенство мира по мотогонкам. Я был руководителем нашей команды. Разместили нас в отеле «Альпенблик». В тот же день у меня в номере собрались все наши ребята. Не успели мы обсудить программу пребывания, как в дверь посту-

чали. Не дождавшись приглашения, вошел мужчина лет пятидесяти, выше среднего роста, широкоплечий, шатен. На нем был светлый костюм. Извинившись, он остановился, обвел взглядом каждого из сидящих, представился:

— Гариб Султан. Ваш соотечественник. Волей судьбы оказался на чужбине. Исстрадался по культуре и родному языку. И, если хотите, соскучился по тем же беляшам с острой начинкой, конской колбасе легкого копчения...

Гостю уступили кресло, пригласили сесть. А он продолжал:

— Вам трудно понять это... А прибыл я из-за океана. Поболеть за своих ребят-мотоциклистов. Не удивляйтесь. Много времени прошло, а все тянет к своим. Голос крови, что ли...

Я поинтересовался, как он оказался за границей, чем занимается, имеет ли родственников в Советском Союзе.

Султан отвечал сдержанно.

— Гитлеровцы еще в начале войны угнали на Запад. Война, сами понимаете... Так и остался на чужой земле. Натерпелся... Преподаю социальные дисциплины в одном из университетов Соединенных Штатов Америки... В СССР у меня не осталось ни родных, ни близких, к великому сожалению. Поумирали. Жизнь есть жизнь.

Потом он перешел на расспросы. Его интересовало все о жизни советских людей: жилищные условия, заработная плата, вопросы национальной культуры и образования. Как бы между прочим, попутно высказывал свое

отношение ко всему, подавал реплики, пытался комментировать.

— Все бы это ничего, только вот не повезло татарам и башкирам в своем отечестве, — заключил под конец.

Наступила длительная пауза. Все чувствовали себя неловко: и обидеть вроде бы гостя нехорошо, и согласиться с ним тоже нельзя. Тишину нарушил я.

— Вы уверены?

— Увы, и это прискорбно. Культуры своей не имеют. Автономия мнимая.

Ребята старались объяснить гостю, что он заблуждается, наперебой приводили факты, опровергающие его доводы. Но он стоял на своем.

— Тогда по какой же культуре вы истосковались? По той, которой не существует? — спросил я.

— Вы ничего не говорили здесь о той несправедливости, которая была допущена в отношении Башкирии и Татарии, — уклонился от ответа и в то же время старался перейти в наступление Гарип Султан.

Фарит Ахмадуллович, внимательно слушавший рассказ Гареева, в этом месте прервал его.

— Удивительная манера: навязать нам то, чего нет и не может быть на самом деле!

— Один из приемов, должно быть. Они все оценивают с позиции тупой ненависти и презрения. — Гареев уселся поудобнее. — Говорил Гарип Султан, казалось, заинтересованно. Губы его то расплывались в лстивой улыбке, то застывали в язвительной усмешке. Но сквозь жонглирование понятиями и

словами прорывалось не только его сознательно ложное представление о социализме, о всех нас, но и стремление излить свою желчь, оболгать все, чего достигли мы за все советские годы. Кто-то из спортсменов спросил его:

— А какую культуру представляете вы?

Гарип Султан не ожидал такого вопроса, замялся. А тот продолжал:

— Что общего имеете вы с башкирской и татарской культурой, живя здесь, на Западе?

Гость опять ушел от ответа, предпочитая, должно быть, не обороняться, а нападать.

— Ну, а чем вы объясняете хотя бы тот факт, что среди советских башкир и татар нет известных имен, героических личностей? Их просто зажимают русские!

Спортсмены переглянулись. Этот вопрос был роковым для Гарипа Султана, ведь там собрались известные всему миру чемпионы труднейшего вида спорта. К тому же кто-то указал на меня:

— Между прочим, эфенди, перед вами знаменитый летчик, дважды Герой Советского Союза. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета Башкирии. В Уфе правительством установлен его бронзовый бюст.

Султан Гарип сначала, видимо, решил, что его дурачат. Потом понял, что провалился и, чувствовалось, не мог простить себе этого. Нужно было хоть как-то смягчить удар. Он машинально полез в карман пиджака. Достал паспорт и резким движением протянул его мне.

— Я действительно из России. А живу в Соединенных Штатах Америки.

В паспорте значилось: «Султан Гарип, год рождения 1923, уроженец города Казани. Магометанин. Гражданин США. Житель Нью-Йорка. Профессор. Приметы...»

Попав впросак, Гарип Султан не знал, как выйти из него. И тут он спросил, не знаю ли я писателя Исянгулова.

— Знаю. Почему я не должен знать своего национального писателя? — сухо ответил я.

— А я слежу за советской литературой. Читал, между прочим... Люблю поэзию Мусы Джалиля, почитаю и преклоняюсь перед его талантом. Знаете, что сгубило его? — Он оживился, очевидно, решив, что попал на интересную для нас тему разговора. О вас, писателе Исянгулове, он пока забыл.

— Что же? — спросил я.

Глаза Султана забежали.

— Политика, в которую его вовлекли молодые горячие головы! Ох, если бы знать, кто его палач, я бы своими руками задушил убийцу!

Помолчав, он обратился ко мне:

— Не могли бы вы прислать мне томик стихов Мусы? Я слышал, что у вас изданы его «Моабитские тетради», которые он писал в тюрьме на газетных обрывках буквально кровью сердца.

До начала соревнований оставалось не более часа, и каждый из спортсменов внутренне уже готовил себя к ним. Султан понял, что сейчас не до него, и ушел, пообещав прийти поболеть.

Вечером в ресторане отеля в честь советской команды был дан прием. За одним из столиков я заметил и нашего «знакомца». Он был не один и к «землякам» не подходил. Казалось, он избегал нас, однако когда я беседовал с бургомистром города, незаметно устроился напротив и жестами подал парнику команду, чтобы его сфотографировали. Со стороны это выглядело наивно, глупо, смешно. Заслонив собою городского голову, он позировал таким образом, чтобы создалось впечатление, будто знаменитый соотечественник Гареев ведет оживленный разговор не с бургомистром города Кемптен, а с ним, Гарипом Султаном.

Я все замечал, но не выдавал этого.

Мы уже собирались уходить, когда он остановил меня.

— Простите, я просил вас выслать мне томик стихов Джалиля...

Признаюсь, я не сдержался и высказал все, что в это время думал о нем. И о поэзии Джалиля.

— Вы сказали, что Джалиля сгубила политика? Ошибаетесь, политика сделала его великим поэтом-героем. Он наш, советский поэт, и пал от рук фашистских палачей. Это величайшая трагедия. Но еще страшнее, что подручными палачей были его соплеменники, продавшиеся врагам...

Гарип Султан молчал. Глаза его забегали, словно его в чем-то уличили. Я не стал дожидаться продолжения разговора и вместе с ребятами направился к выходу...

Исянгулов поднялся, прошелся по комнате, задумался. В это время в прихожей за-

звонили. Пришла Айгуль, молоденькая жизнерадостная девушка из редакции. Она недавно закончила заочное отделение Московского полиграфического института и теперь работала выпускающим редактором. Исянгулов встретил ее добродушной улыбкой и представил Гарееву:

— Вот кто разрешит все наши сомнения, Муса Гайсинович! Айгуль тоже не так давно побывала в ФРГ. Правда, до сих пор не поделилась впечатлениями. Отчего? Или все времени нет?

Девушка потупилась.

— Какие уж тут впечатления... Неприятности одни...

— Что-нибудь случилось? Расскажите.

Переборов себя, Айгуль начала свой рассказ:

— Как-то ко мне подошел наш профорг и сказал, что предстоит поездка группы советских полиграфистов в ФРГ, предложил путевку. Я согласилась. И вот мы в Федеративной Республике Германии. Посетили типографии Гановера, Штутгарта, Франкфурта-на-Майне. Заключительным этапом был Мюнхен. Как-то, после экскурсии по городу, у меня было свободное время, и я решила еще раз пройти по знаменитому парку «Энглишергартен». Иду, незаметно перебираю в памяти впечатления последних дней. И техника у них, и порядок... Но вот эта конкуренция, этот принцип подмять другого, чтобы вылезти самому... После такого начинаешь лучше понимать и ценить свое...

Сзади послышались быстрые шаги.

Я не стала оглядываться, а лишь ускорила шаг.

Кто-то, казалось, нагонял меня. Я свернула в аллею, по которой шла группа людей, видимо, туристов. Но догонявший меня поравнялся со мной, забежал вперед.

— Здравствуйте, — сказал он по-башкирски с иностранным акцентом, приветливо поклонился, приложил руку к сердцу. — Я ваш соотечественник и даже соплеменник... В отеле мне сказали, что вы из Советского Союза...

Я успокоилась. Мужчина не вызывал у меня никаких подозрений.

— Почему же вы здесь? — спросила я.

— Да как вам сказать?.. По правде, это было слишком давно, но я очень тоскую по родному дому.

— Вы что же, из... тех самых?

— Изменников, предателей?.. — посмотрев мне в лицо, рассмеялся мужчина. — Боже, как вас напичкали там!

— Кто же вы тогда? Как попали сюда?

— Как? Ну, это очень просто: контузия, плен... Здесь пугали Сибирью. Особенно эмигранты. Война, сами понимаете... И решительно никого в Союзе.

Я подумала: могли же, действительно, и контузить, и взять в плен, и запугать. Война не только убивала людей, но и морально уродовала их.

Внимательно слушавший рассказ девушки Гареев насторожился.

— Так и сказал: «Война, сами понимаете?..»

— Да, это его слова, — подтвердила Айгуль и продолжала: — Он спросил:

— Вам нравится Мюнхен?

— Да. Есть что посмотреть: памятники архитектуры, и вот этот парк тоже. Но мой город не менее красив. Река Белая и Салават Юлаев на вздыбленном коне...

— О, я помню Уфу! Так себе, небольшой городок... А как вы находите здешние магазины?

— Магазины — как магазины. Есть товар в них. Продавцы — сама любезность. Только люди не очень покупают. Должно быть, не на что.

— Вы, кажется, посетили немецкие типографии?

— А вы и об этом уже осведомлены?

Мужчина словно не расслышал моего вопроса.

— Теперь вы видите, как живет на Западе типографский рабочий и служащий? В свободном мире хозяин типографии трудится наравне с линотипистом. И тот и другой являются держателями акций фирмы...

Я вдруг почувствовала, что меня изучают и даже, возможно, хотят узнать, насколько я устойчива в своих убеждениях.

— Так что же, у вас линотипист имеет то же, что и хозяин, такие же доходы, имущество, свободы? — спросила я, зная, что это не так.

— О, да вы теоретик! — воскликнул мой собеседник и, уйдя от ответа, предложил посидеть с ним в кафе, продолжить интересный разговор.

Мне он стал неприятен. Я взглянула на часы. Времени оставалось ровно столько, чтобы переодеться, поест и идти в театр. Холодно попрощавшись, я направилась в отель.

Гареев повернулся к Исянгулову.

— Знакомое чувство. — Потом спросил Айгуль: — Это и был Азат Салават?

— Не будем забегать вперед... Еще раз я повстречала этого человека в аэропорту за двадцать минут до вылета в Москву. Улучив момент, когда я осталась одна, он подошел ко мне, приветливо, как ни в чем ни бывало, улыбнулся.

— У меня просьба к вам. Надеюсь, не откажете?

— Да, пожалуйста.

— Опустите это письмо в Москве. У моего старинного знакомого серебряная свадьба. Надо, чтобы оно успело к этому дню. Выручите, пожалуйста.

Просьба показалась мне естественной, и я взяла письмо. Уже в самолете вспомнила, что okazji не полагаются: значит, я нарушила таможенную декларацию.

В подмосковном аэропорту «Шереметьево» я сама подошла к таможенному инспектору, производившему досмотр багажа, отдала письмо:

— Его дал мне незнакомый человек и просил опустить в Москве...

Таможенник повертел письмо в руках.

— Вы что же, не знаете, что существует международная почта? Отбиваете хлеб у нее? А может быть, конкурируете с ней?

— Знала. Да вспомнила поздно...

— Ну, что ж, раз так, воспользуемся правом...

Таможенник вскрыл письмо. Оно было на незнакомом ему языке. Он задумался, как поступить.

— Переводчика будем вызывать или сами переведете?

Я взглянула на письмо. Оно было написано по-башкирски. И еще я заметила — на бланке с типографским штампом «Радио «Свобода» и подпись — «Азат Салават».

Я принялась переводить письмо. По ходу чтения чувствовала, как лицо мое становится кумачовым. Едва дочитав, возвратила письмо таможеннику.

Подождав, когда приду в себя, инспектор сказал:

— Вот видите, какая «серебряная свадьба». Антисоветчина чистейшей воды!

Я стояла молча, опустив голову. Не могла простить себе опрометчивости, которую допустила.

Дома я перелистывала записи в блокноте, вспоминала поездку в ФРГ, мысленно представляла, о чем буду рассказывать товарищам. «Азат Салават» и история с письмом не выходили из головы. Они испортили все впечатление от поездки.

Дня через два ко мне на работу позвонили из радиокомитета, попросили приехать. В студии для меня включили магнитную запись.

В комнату из эфира ворвался женский голос. Он объявил, что в ФРГ побывала делегация советских полиграфистов. Затем уже знакомый мне мужской голос стал рассказы-

вать, как, узнав о том, что он журналист радио «Свобода», к нему подошла советская гражданка по имени Айгуль и сказала, что она из Башкирии. Ему было приятно познакомиться и побеседовать с землячкой, он взял у нее интервью, которое записал с помощью диктофона.

— Вам нравится Мюнхен?

— Здесь красиво.

— А как вы находите здешние магазины?

— Чувствуется, что в них есть чем торговать. Витрины — блеск, а продавцы — самая любезность и обходительность. Есть чему позавидовать.

— Теперь вы видите, как живут типографские служащие и рабочие в мире свободного предпринимательства?

— Да, хозяин типографии здесь трудится наравне с линотипистом. И тот и другой являются держателями акций фирмы. Чувствуется, что капиталист любит и заботится о рабочем, служащем, и они всем довольны, решительно все имеют...

Я попросила выключить запись. Долго не могла прийти в себя, собраться с мыслями. Быть может, только в этот момент я по-настоящему поняла, что допустила непростительную доверчивость, которой воспользовался опытный и ловкий провокатор.

— Вас будет интересовать, как я докатилась до этого? — спросила я редактора.

Редактор, миловидная женщина, улыбнулась и тепло сказала:

— А ведь вы не давали никакого интервью...

У меня даже от сердца отлегло. Мне верят! Да, разговор с «Азатом Салаватом» у меня был, но суть его полностью извращена. За меня сказано такое, о чем я и подумать не могла, это противно моему образу мыслей, моим убеждениям, моей совести.

Гареев спросил:

— Вы не заметили, какой у «Азата Салавата» взгляд?

— Какой-то мечущийся, бегающий. А что?

— Так это же Гарип Султан! — воскликнул он и взглянул на Исянгулова.

Для Фарита Ахмадулловича это не было неожиданностью.

— По правде, я и сам подумал об этом. Внешнее сходство. Манера поведения. Подход к «проблемам». Почерк в обращении к вам, да и к Айгуль тоже. Наконец, характер... Словом, все это говорит о том, что мы имеем дело с одним и тем же лицом...

— Я давно собиралась к вам, — сказала Айгуль. — Думала, расскажу вам, Фарит Ахмадуллович, а вы статью в газету напишете...

— Нет, милая, это вы должны сделать сами. Только сами! Уверен, так будет лучше и полезнее для дела.

— А получится, Фарит Ахмадуллович?

— Должно получиться.

* * *

Мы не присутствовали при разговоре Исянгулова, Гареева и Айгуль, поэтому хотели бы сделать несколько дополнений к нему, на наш взгляд, существенных.

Разговаривая с незнакомым человеком в мюнхенском парке, Айгуль, разумеется, не знала, что о каждом советском гражданине, посещающем капиталистические страны, сотрудники американской радиостанции «Свобода» узнают одними из первых. Исходные данные они получают в компетентных полицейских органах, причем предоставляются они им всегда охотно.

Муса Гайсинович Гареев не знал, что о каждой своей встрече с советскими людьми Гарип Султан докладывает в ЦРУ, что так было и на этот раз. Утром следующего дня он имел внеочередную встречу со своим шефом. Доложил ему, что «установил контакт с земляками, одного из которых считает вполне надежным и перспективным». Как бы в подтверждение этого вручил донесение «О положении в Советской Башкирии» и другие важные сведения, почерпнутые будто бы из бесед с Гареевым, на самом же деле от начала и до конца высосанные из собственного пальца. К донесению приложил фотоснимок, на котором он был запечатлен «беседующим» с Гареевым в ресторане отеля «Альпенблик».

Султан Гарип не только клеветает на советский народ, но и обманывает своих американских хозяев. Специализируясь на ловле душ советских людей, он встречает всякий раз отпор с их стороны, но отчеты его почти всегда выглядят благополучными. Ну, да это пусть будет на его совести: за это он получает деньги.

И еще. Не будем пока называть его настоящей фамилии, его подлинного имени, —

они появятся сами собой несколько позже. А пока скажем только, что Гарип Султан — кличка, принятая им в годы Великой Отечественной войны. Остальные данные, выведенные в его американском паспорте, тоже — ложь.

«Азат Салават» — его вторая кличка.

Первой он называет себя при встречах с советскими гражданами, посещающими Соединенные Штаты Америки, страны Европы и Ближнего Востока. Второй подписывает направляемые в Советский Союз письма клеветнического содержания.

Он очень боится, чтобы люди не узнали его настоящего лица. В этом случае может раскрыться его преступное прошлое и не менее преступное настоящее.

*Апрель — июль 1942 года.
Харьковское направление —
Пиотрокув — Седльце —
Вуэтрау*

Когда гауптман из лагерного подразделения 1-Ц* вызвал Султана к себе в отдел, тот вдруг растерялся. «Что бы это значило?» — подумал он и ощутил, как по телу его пробежали мурашки.

Контрразведчик оглядел Султана с ног до головы. От пленного несло едким запахом пота. Худосочный рыжеусый гауптман брезгливо сплюнул в корзину для мусора и закурил ароматную сигарету. Затем извлек из папки «персональкарту» на него и еще какие-то бумаги, подколотые к ней, стал их просматривать.

Процедура просмотра заняла в общем-то не так уж много времени, но для Гарипа каждая минута неизвестности казалась вечностью. Он старался представить себе все, что могло послужить поводом для вызова его в этот кабинет с зарешеченным окном, о котором среди военнопленных ходила дурная слава.

Его не прельщала судьба тех, кто возвращался отсюда в блок с кровоподтеками, не-

---

* Отдел контрразведки в гитлеровской армии.

редко изувеченным. С содроганием представил себя на «лобном месте» лагеря, — над ним петля, рядом палач. Лагерный «прокурор» зачитывает «приговор», мулла совершает благословение...

В голове пронеслись события последних недель.

Бои под Харьковом были жаркими, и фашистам было не до отдельного пленного, хотя бы он и являлся перебежчиком. Допросив наскоро Гарипа Султана и получив наиболее важные разведывательные сведения, офицер абвера приказал службе конвоя этапировать его в лагерь для советских военнопленных из числа «волго-татарен», как называли гитлеровцы людей разных национальностей, населяющих пространство между Волгой и Уралом.

Самолюбие Гарипа было ущемлено. Он решил добиться справедливости, рвался в абверкоманду, к офицеру, который его допрашивал, но получил от конвоира-ефрейтора такой удар прикладом в лицо, что едва устоял на ногах. После этого он полез в теплушку и больше уже не пытался искать «правду».

В абвере в качестве главного мотива измены Родине он выставил «несогласие с большевиками» и «горячее желание служить фюреру великой Германии». Это был ход, продиктованный трусостью и рассчитанный на то, чтобы обратить на себя внимание, добиться снисхождения и даже расположить к себе. Он шел на все, чтобы спасти свою шкуру, но этого, как видно, не оценили.

Не помогло и то, что он выдавал себя за сына муллы, что открыл все, что знал о

частях Красной Армии на участке фронта, что объяснялся с офицером армейской контрразведки на плохом, но все же немецком языке.

Обидно было, что несмотря на проявленную угодливость, с ним обошлись как с «обычным пленным», которого захватили врасплох, в силу контузии, ранения или при других каких-либо обстоятельствах.

В углу вагона, куда забился Султан, было тихо. Вдруг рядом кто-то завозился, заговорил:

— Вот ведь беда какая напала на наш народ... Жизнь только стала налаживаться, ан нет, Гитлер со своей техникой вперся. В крови затопить хочет, ярмо рабское надеть. Что будем делать, сынок?

Султан не видел лица соседа, но по голосу определил, что человек этот значительно старше его. Ответил так, чтобы другие не слышали:

— Меня Германия устраивает, папаша.

Сосед удивился.

— Что ты сказал, сынок? Или я ослышался?

Гарип Султан вполголоса, но уже распляясь, отрезал:

— Пусть подставляют пулям грудь те, кому это нравится! А я хочу жить, жить!.. Имею я на это право или нет?!

— Бредишь ты, сынок, что ли?..

И сосед крикнул в темноту:

— Нет ли воды у кого? Человек в жару мечется.

Воды не оказалось.

Султан замолчал. Он знал, что на Германию работает вся Европа, и не сомневался в ее победе.

Эшелон был забит до отказа. В телятнике было темно, грязно и душно. Кто находил в себе силы, отыскивал в стенках вагона щели, пробоины и почти весь путь не отходил от них. Сначала, чтобы вдохнуть свежего воздуха, навсегда запомнить родные поля, леса, выжженные и разрушенные оккупантами деревни, поселки, города, проститься с Родиной-матерью. Потом, чтобы лучше разглядеть чужбину. Почти каждый был убежден в конечной победе советского оружия и старался набраться еще большей ненависти к фашистам, верил, что плен будет недолгим.

Молодой солдат у противоположной стены вагона хрипло спросил:

— Что мы должны делать, товарищи?

Это привело в движение всех, кто сидел и лежал на грязном полу. Каждый думал о том же, искал ответа на этот вопрос.

Гарип Султан был безучастен ко всему, что волновало, беспокоило и занимало других. Их разговоры о том, что плен — позор для солдата, его даже раздражали. Он старался запомнить голоса этих «обычных» пленных на будущее. Думал о них с презрением, ставил себя над ними.

В полдень состав резко затормозил и остановился. Грубо расталкивая людей, Султан пробрался к стене, встал на ящик. Через решетку крошечного оконца под крышей вагона увидел название станции на немецком языке — «Пиотрокув». Что это? Уже Герма-

ния? Потом вспомнил, что это польский город. Разочарованно вздохнул.

В хвосте поезда находились два пассажирских вагона. Из них выскакивала и быстро растекалась вдоль состава охрана.

Застучали засовы. В открытую дверь вагона заглянул знакомый ефрейтор и, потрясая в воздухе автоматом, крикнул:

— Шпринген! Шнель, шнель!

Голодные, с заросшими лицами, измученные нечеловеческими условиями, раненные и контуженные вываливались пленные из вагонов, падая в лужи, поддерживая друг друга, но все же в массе своей, не теряя человеческого облика и достоинства.

Шталаг * в Пиотрокуве (все называли его Петряково) являл собою нагромождение землянок, примитивных построек и колючей проволоки. Он предназначался для «волготатарен». Размещение по блокам производилось по языковому признаку — татары, башкиры, мари́йцы, чувашы, мордвины. Исключений не допускалось.

Гарип с трудом переносил плен. Он похудел, зарос щетиной и грязью. Его раздражали постоянные окрики несших охрану лагеря эсесовцев, долгое простаивание в очередях за баландой. Голод продолжал мучить и после баланды, и тогда он отправлялся бродить по территории лагеря в поисках съедобных корней и трав. Если находил, то украдкой от остальных рвал их и с жадностью запикивал в рот.

---

* Шталаг, в отличие от форлага, лагерь длительного назначения.

Мимо барака проходил путь «капут-команды», подбиравшей по утрам трупы скончавшихся от побоев, истощения и болезней. Их сбрасывали в овраг, послойно пересыпая хлоркой. Когда овраг переполнялся, его прикрывали землей и подыскивали для этих целей новый.

* * *

Гауптман перебрал лежавшие перед ним бумаги и поднял глаза на Гарипа Султана.

— Так ваш отец — мулла? Он жив?

— Его замучили большевики, — соврал Гарип.

— О, я вам сочувствую. А ваша мать?

— Мама не смогла перенести трагедию с отцом и тоже умерла, — заживо хоронил он и ее.

Гауптман прошелся по кабинету, остановился рядом с Султаном.

— А ведь мы с вами где-то встречались...

Султан тоже вспомнил его.

— Вы допрашивали меня в первый день после сдачи в плен. Это было под Харьковом.

— Верно... Значит, вы есть круглый сирота. Тогда Германия фюрера должна позаботиться о вас, мой друг. Мы добры к тем, кто добр к нам.

— Благодарю вас.

— Будем взаимно откровенны. Мне нужен человек, на которого я мог бы положиться и который служил бы великой Германии и фюреру верой и правдой.

Султан даже приподнялся, будто за спиной у него выросли крылья.

— На первом допросе в абвере вы помогли нам, показали также, что не согласны с большевиками и готовы служить фюреру. Вы подтверждаете свои показания?

Гауптман говорил по-русски плохо, делая ударение на первом слоге слов и этим коверкая их. Иногда для чего-то вставлял татарские слова. С его лица теперь не сходила подкупающая улыбка.

Султану стало ясно, что за советского шпиона его не принимают, что усилия, старания и откровения, проявленные им тотчас после сдачи в плен, не затерялись в суете войны, не пропали даром и даже были замечены.

— Я готов служить. Что прикажете, майн герр?

Он сказал это по-немецки. Гауптман удовлетворенно кивнул.

— Придется предавать соплеменников. Их будут строго допрашивать, могут повесить или расстрелять.

— У меня нет обратного пути. Да я и не жалею об этом, — ответил Гарип решительно.

Это убеждало. Гауптман закрепил отношения с Султаном, предупредил о необходимости соблюдения конспирации, условился о связи на дальнейшее. Новоиспеченному агенту на первых порах поручалось следить и докладывать о поведении и настроениях татар и башкир в его блоке, выявлять помышляющих о бегстве, разделяющих «боль-

шевицкие взгляды», готовых на «дерзкие действия» против администрации лагеря.

В заключение гауптман спросил:

— Вас могут заподозрить. Вы готовы к этому?

Подобная мысль Султану не приходила в голову, и он не знал, что ответить. Чувствовалась растерянность, боязнь возмездия тех, с кем спит на одних нарах.

Гауптман вывел его из этого состояния.

— Хорошо, я помогу вам.

Он приблизился к Гарипу, улыбнулся и неожиданно нанес ему сильный удар кулаком в челюсть. Тот не ожидал такого поворота и еле устоял на ногах. На губах показалась кровь. Он пугливо ждал новых ударов.

— Теперь никто не подумает, что ты мой агент, — хладнокровно, все с той же улыбкой произнес фашист. — Иди и действуй, как договорились.

Вскоре в лагере был выявлен ряд советских патриотов-антифашистов. Многие были замучены и в барак не возвратились. Кое-кого в назидание другим повесили на плацу перед строем пленных.

Мы не знаем точно, какой «вклад» внес в это дело Гарип Султан, кого конкретно предал, но уже тогда он начал тщательно запутывать свои следы: отцовскую фамилию и нареченное родителями имя сменил на созвучие — Гарип Султан, выдавал себя за уроженца Казани, уверял, что в плен был захвачен насильно, в действительности же сдался сам, без боя и даже бросив гранату в своих.

Однажды по лагерю прошел слух, что гитлеровцы отпускают специалистов и тех, кто хочет получить специальность для последующей работы... дома. Среди лагерников по этому поводу шли самые разные разговоры. Большинство не верило фашистам, считало это очередной провокацией. Некоторые подумывали, что если действительно намерены кое-кого отпустить, то эту возможность надо использовать для того, чтобы уйти в лес к партизанам.

Вскоре в лагерь прибыла комиссия для отбора специалистов. Возглавлял ее фон Менде. Он был в светлой форме Министерства по делам Востока (Остминистериум). Комендант лагеря крикнул в толпу:

— Кто имеет высшее и среднее образование, выходи на построение!

Команда была подхвачена старостами и будто эхо понеслась по баракам. Громче других кричал Сабит Кунафин.

Кое-кто из пленных поплелся на площадь, где стоял Менде. Среди них был Султан. Набралось человек шестьдесят из многих тысяч.

Комендант проверил по списку, все ли, кто был в него включен, явились. Менде разглядывал толпу взглядом знатока. Наступила тишина.

— Не мешало бы перед отъездом домой немного отдохнуть, подкрепить силы, — сказал он по-русски. — Неудобно ехать домой такими худыми, да еще в лохмотьях.

Толпа неясно загудела.

— Поедем сначала в Кельцы, небольшой и тихий городок. Там хорошая кухня, будут пиво, сигареты... Приоденетесь.

Люди заволновались. Одним показалось заманчиво, другие с опаской думали: а не ловушка ли это?

— Только потом не жалейте, что вас лишили всего, что вы сейчас имеете, — шутил Менде. — В том числе охраны, колючей проволоки и этих злых собак. А кто хочет остаться здесь, пожалуйста, неволить не будем. Дело добровольное. Итак, я вижу, желающих прозябать в этом лагере нет, хорошо...

Тех, кто стоял рядом, Менде угостил сигаретами. Комендант скомандовал:

— Становись!

Группу под конвоем доставили на вокзал, разместили в вагонах. Султан захватил место у двери.

В вагон поднялся Менде.

— Двери можно не задвигать. Охраны больше не будет. Вы теперь свободные люди, такие же, как и мы, немцы. Впрочем, кто хочет, пусть бежит. Погони и стрельбы не будет. Это я вам могу гарантировать.

Кто-то спросил:

— Скажите, как дела на фронте?

Менде от ответа ушел.

— Вы теперь не военные. Вы сугубо штатские, и война для вас больше не существует. Пусть воюют армии.... Значит никто не хочет удирать?..

За всех сказал Султан:

— Мы не для того согласились, чтобы изменять своему решению.

Менде оценил это.

Один из пленных, проявивший особую активность, сказал:

— Спасибо фюреру. Нам бы еще автоматы и мы этим большевикам...

Менде оборвал его.

— Вы конъюнктурщик. Стараетесь использовать обстановку. Для первого раза делаю вам замечание.

Польский городок Кельцы, действительно, был небольшой и тихий. На восточной его окраине разместился лагерь министерства Розенберга. Ни колючей проволоки, ни сторожевых вышек, ни собак здесь не было.

Специалистов и тех, кто хотел получить специальность, разместили в уютных домах, досыта накормили, одели в чистое. Менде, как бы между прочим, сказал:

— Здесь не Советская власть, никто голодным и раздетым не будет. Для вас начинается новая, светлая жизнь.

Вышедшим из-за колючей проволоки дали, так сказать, возможность почувствовать прелести «свободной жизни». Никаких намеков на прежнее положение, полная свобода действий: хочешь — иди в город, хочешь — ступай в ресторан, — там вкусная и калорийная еда.

Но вот у кого-то украли пачку сигарет. Всех выстроили на площади перед административным зданием. Менде сказал:

— Господа, вы не в Советском Союзе, здесь воровать нельзя. Воровство мы будем пресекать самым решительным образом. Если взявший сигареты признается, я прощу его. Не признается, придется лишить сигарет всех.

Вор не пожелал стать известным, и Мен-

де приказал лишить всех очередной пачки сигарет.

Как-то на утренней проверке, обходя строй, Менде заметил небритого. Остановился, строго заметил, обращаясь ко всем:

— Ходить небритым можно было в Советском Союзе. Там не было бритв и даже мыла. Брились топором. В Германии все имеется, поэтому брейтесь ежедневно, господа...

В те же дни в лагерь «Кельцы» из Берлина прибыл некий Шигап Нигмати. (Целью его визита было лично познакомиться с контингентом будущих воспитанников, одних оставить, других отсеять.) Представил себя просто:

— Недавно из-под Смоленска, где работаю по специальности. До этого был таким, как вы.

Это вызвало интерес. Пленные искали встречи с «соотечественником», чтобы поговорить с ним о положении дома. И он приходил к ним.

— Живется там хорошо. Народ наш вздохнул полной грудью. Немцы отдали землю тем, кто ее обрабатывает. Не то, что было при Советах.

Брошенные Нигмати зерна попадали на почву, хорошо удобренную Менде. Разгорались споры, в ходе которых четко определились «свой» и «чужие». Люди начинали разбредаться по «национальным квартирам», обособливаться друг от друга.

Потом Нигмати беседовал с каждым с глазу на глаз. Выяснял все, что его интересовало, об этом человеке: семья, родственники, знакомые, предприятие, где работал

до войны, воинская часть, где проходил службу. Приезд его помог Менде в решении многих вопросов, связанных с постепенной психологической подготовкой пленных к дальнейшему.

Православным пленным в лагере разрешалось посещать церковь, а мусульманам совершать молебствия в одном из помещенных лагеря.

Менде объявил:

— Что касается веры в бога, то у нас, в отличие от Советского Союза, полная свобода. Но я очень рекомендую молиться, так как слово, обращенное к богу, будь то Христос или Магомет, очищает душу человека.

Он внимательно следил за тем, как люди приобщаются к вере.

Месяц спустя, Нигмати пригласил всех на экскурсию в Германию.

— Господа, вам представляется редкая возможность ознакомиться с цитаделью мировой культуры и родиной фюрера. Когда поедете домой, вам будет что рассказать людям о том, как живет и трудится немецкий народ.

Берлин оставался в стороне от железной дороги. Видны были лишь заводские трубы да извергаемая ими на город копоть. И Менде и Нигмати исчезли куда-то, будто сквозь землю провалились. На перроне станции Раденслебен пленных ожидал конвой. Послышались команды: «Шнель! Шнель!»

Под конвоем пленных отправили в лагерь, что раскинулся на окраине села Вустрау, в трех километрах от Раденслебена и в 64 километрах юго-восточнее Берлина.

Это был «Зондерлагерь» Министерства Востока. По всему периметру — в два ряда колючая проволока, пахотная полоса и система сигнализации. Через каждые двести метров на вышках стояли часовые, вокруг дефилировали подвижные патрули. На территории лагеря стояли однотипные деревянные бараки.

Группу сдали коменданту лагеря с погонями унтер-офицера. Начались обыски, физическая работа, избиения тех, кто уклонялся от нее. Настроение многих стало паническим. У Султана оно тоже резко упало.

Пленных разбили на национальные группы, но не более 24 человек в каждой — по числу железных коек в бараке. Определили старост. Ими оказались те, кто в Кельцах умел обвести коменданта лагеря вокруг пальца и набрать побольше водки и продуктов.

Когда все было готово, в лагерь прибыли шульонгсляйтеры — учебные руководители, в числе которых находился и Нигмати. Комендант и охрана сразу подобрели, стали снисходительнее и даже любезнее.

Нигмати был хорошо выбрит, в штатском костюме и шляпе. От него пахло духами, портфель его был туго набит «учебными пособиями», в руках была газета. Он прошел в учебную комнату, отведенную для татар и башкир. Объяснил, что его следует называть официально — господин шульонгсляйтер. Приветствием должно служить выбрасывание вперед правой руки, как это принято в Германии.

Послышались жалобы на коменданта, на

грубое обращение со стороны охраны. Нигмати улыбнулся.

— Чтобы не испытывать всего этого, давайте форсировать учебную программу, и тогда вы будете свободны.

Султан сказал за всех:

— Группа согласна, господин шульонгсляйтер.

Нигмати объявил, что каждый слушатель должен написать реферат или выступить с докладом на одну из тем. Всего их было больше двадцати, в том числе, например, такие: «Народный юмор в Татарстане», «Большевизм — злейший враг татарского (башкирского) народов», «Колхозное рабство», «Причины поражения Красной Армии» и другие.

Султан быстро усвоил, что от него требуется: главным в реферате или докладе должна быть критика советского строя, идей интернационализма, марксистско-ленинского мировоззрения, практической деятельности партии и в то же время восхваление Гитлера, военной мощи великой Германии.

Многие не смогли покривить душой, в результате произошел отсев: несогласных тут же возвратили в концлагерь. Для тех, кто остался, был прочитан курс лекций по теории и практике национал-социализма, государственному устройству третьего рейха. Они штудировали программу нацистской партии, книгу фюрера «Майн кампф», немецкий язык, изучали историю ислама.

Шульонгсляйтер дал понять, что дальнейшая судьба каждого из слушателей находится целиком в его собственных руках. Затем добавил:

— Некоторые пытаются наушничать. Предлагаю прекратить всякие доносы. Никто не должен знать, в том числе и я, что делается в душе или в голове другого, в вашей спальне, между вами вообще. Доносчиков буду отчислять и направлять в концлагерь.

Ябедники, фискалы, доносчики в «империи Вустрау» открыто считались людьми неполноценными. Этим самым пленным прививалась мысль: надо уметь молчать, уметь держать язык за зубами. Не твое дело соваться в дела других, на это есть администрация. Следи сам за собой, будь наблюдательным и бдительным...

Был и другой расчет: слушатели откровенно высказывали свое отношение к порядкам и политическому строю гитлеровской Германии и тут же попадали в поле зрения осведомителей. И тогда о них делались соответствующие выводы, следовали репрессии.

Наушничанье прекратилось, но система тайных доносов продолжала существовать. Прежде чем прийти на занятия, Нигмати посещал отдел 1-Ц лагеря и получал информацию о том, что случилось в группе за прошедшие сутки. Занятия он начинал с того, что, не называя фамилии, отчитывал проявившего недовольство по поводу пищи, порядка или действия охраны, не говоря уже о более серьезных вещах.

Шульонгсляйтер был главной персоной в «Зондерлагере» Вустрау. За время трехмесячного пребывания в лагере он должен был полностью завершить начатое Менде черное дело: каждого превратить в антисоветчика, внушить ему убеждение, что, борясь на

стороне «великой Германии», он делает это во имя своего народа, привить умение быть молчаливым и послушным, изучить личные качества слушателя, определить направление его дальнейшего использования — пропагандистом на оккупированной территории или в лагерях для советских военнопленных, для заброски в глубокий тыл Красной Армии с подрывными целями или для работы в националистических формированиях. Во всех случаях из него делали нацистского пропагандиста. Он должен был нести дальше идею «освобождения России от большевизма» и в то же время утверждать мысль «о незыблемости великой Германии».

Незадолго перед окончанием учебы и освобождением шульонгсляйтер заполнил на каждого анкету, в которой помимо его фамилии, года и места рождения, образования, места жительства была также графа — «особые примечания»: характер, склонности, умеет ли быть конспиративным, особые качества и проч.

На Султана Нигмати обратил внимание с первых же дней, потом долго наблюдал за ним, нередко беседовал отдельно. Ему нравились его выступления, он был восхищен его антисоветским рефератом о колхозах, видел в нем человека, «подающего надежды», и прочил ему «большое будущее». В анкете он описал его лучше других: «антибольшевик», «националист» и т. п.

Передав материалы для оформления паспортов, Нигмати сказал группе:

— Знайте, вас освобождают немцы. Большевики вам этого не простят.

Это был последний призыв к борьбе против Страны Советов.

Перед Гарипом Султаном отныне открывалась перспектива борьбы против своего народа, и он принял ее как нечто само собой разумеющееся.

Султан и Шигап Нигмати (настоящая фамилия Нигматуллин), бывший учитель младших классов из Тюмени, стали закадычными друзьями и дружбу эту пронесли до наших дней.

Вскоре Султана и других питомцев «Зондерлагеря», прошедших подготовку и дополнительную проверку, перевели во «Фрайлагерь». Находился он по соседству, но не охранялся. В нем предоставлялось приличное жилье, выдавали цивильную одежду, каждому вручался фремдепас *.

В один из дней всем было приказано явиться на центральную площадь. Там уже находился духовой оркестр выпускников, состоящий из нескольких труб и барабана. Он исполнял фашистский гимн «Германия, Германия превыше всего».

Комендант вустравских лагерей оберштурмфюрер СА ** Френцель прошелся вдоль строя окончивших курсы пропагандистов, одернул френч, поправил галстук, заложил руки за спину.

— Господа! — начал он. — Фюрер предоставил вам неограниченную возможность служить великой Германии. Отныне вы пе-

---

* Паспорт для иностранцев.

** Штурмовые отряды.

реступили порог свободы. Это означает, что все вы — враги большевизма. Я надеюсь...

Султан не слышал того, о чем говорил комендант дальше. Его сердце билось чаще обычного. Он радостно повторял про себя:

— Главное — жив, здоров и даже на свободе!

Совесть не мучила его. С нею он простился раз и навсегда. Теперь он мог иметь такой же паек, какой имеет немецкий солдат, находясь в резерве. Полагались ему и деньги. Гитлеризм подкармливал своих холоуев, но и требовал от них отдачи в виде предательства, доносов, провокаций. Пропагандист, как правило, был связан либо с гестапо, либо с абвером.

В лагеря Вустрау иногда приезжал рейхсминистр Восточного министерства Альфред Розенберг, то и дело наведывались вербовщики из разведывательного подразделения Ольцша, политической полиции, военной контрразведки, люди в форме СС и в штатской одежде. Одних они отбирали для работы пропагандистами среди советских военнопленных, других брали в националистические подразделения, третьих — для заброски на территорию советских республик.

Судьба же Гарипа Султана решилась иначе.

Лето 1942 года. Берлин

Чем дальше продвигалась армия Гитлера на восток, тем ощутимее были ее потери, в

том числе людские, и фашистское командование решило хотя бы частично компенсировать их, создав так называемые «национальные легионы» вермахта из советских военнопленных.

План этот зародился в штабе верховного главнокомандования (ОКВ — Оберкомандовермахт) гитлеровской армии вскоре после разгрома немцев под Москвой. Поддержан он был ведомством имперской безопасности Гиммлера (РСХА — Райхсзихерхайтсхаупт-амт), одобрен министерством по делам восточных оккупированных областей, которое возглавлял Розенберг. Окончательно он созрел и стал приобретать организационные формы летом 1942 года.

Для реализации этого плана в ОКВ было создано два подразделения. Одним из них был «Штаб командующего восточными добровольческими частями вермахта» во главе с генерал-майором Хейкендорфом. Ему были приданы сотни старших и младших офицеров вермахта на командные должности, он занимался формированием легионов, осуществлял общее руководство ими. Другим подразделением явился «Отдел № 6» — отдел «пропаганды для восточных и кавказских народностей». Начальником его стал зондер-фюрер К. Людерзон. Ему были подчинены газеты, в том числе «Идель-Урал», которая формально значилась органом «Волго-татарского легиона», и пропагандисты.

Рейхсминистр Розенберг образовал у себя специальный «Отдел планирования национальной политики на Востоке», руководство которым возложил на эсэсовца фон Менде.

Он вел работу против среднеазиатских советских республик, объединенных одним понятием — «Туркестан», а также против Татарии и Башкирии.

В составе разведывательного управления при отделе 6-Ц Гиммлер создал особый «реферат 1-2». Начальником его стал гауптштурмфюрер СС Райнер Ольцша. В его задачу входила разработка и осуществление разведывательных и других подрывных акций против тех же республик и работа по контрразведывательному наблюдению за эмиграцией на территории Германии.

Оба эти нациста были хорошо образованными и подготовленными людьми. Фон Менде — профессор-тюрколог. Ольцша — доктор, «специалист» по Азии и Востоку. Еще в молодости он объездил множество стран Евро-Азиатского континента, изучил русский, турецкий и персидский языки, написал и издал книгу под названием «Туркестан» — экономический и политический обзор советских среднеазиатских республик.

Провал блицкрига заставил главарей третьего рейха пересмотреть отношение к «людским ресурсам Востока». В кругу своих коллег, придя как-то после очередного доклада Розенбергу, фон Менде довольно точно передал установку фашистского руководства: «Поскольку германская политика с самого начала исходила из необходимости расчленения СССР на отдельные национальные группы, в целях экономии немецкой крови, следует создать «добровольческие» соединения из туркестанцев, кавказцев и других народов...»

В августе 1942 года Хайкендорф приступил к формированию «Туркестанского», «Армянского», «Азербайджанского» легионов, в сентябре начали создавать «Волго-татарский» легион. Работа продвигалась медленно, пленным приходилось буквально загонять в них.

Для пропагандистского обеспечения этой акции фон Менде совместно с Людерзоном пришлось создавать так называемые национальные «комитеты» и «посредничества», организовывать выпуск националистических листов, создавать радиостудии, типографии и т. п.

По заявлению Ольцша, сделанному им после войны советским следственным органам, «образование комитетов вовсе не означало, что Германия была намерена признать в будущем независимость народов, которые они должны были представлять. Она была заинтересована только в том, чтобы, создавая видимость поддержки антисоветчиков-националистов, привлекать к себе людей и держать их у себя на поводу».

Не желали понимать этого только те, кто был ослеплен национализмом, верил заверениям Розенберга о «расположении» к ним и в ту перспективу, которая перед ними будто бы открывалась в случае победы Германии над Советским Союзом.

Националистические комитеты должны были осуществлять гласную связь легионов со штабом верховного главнокомандования, Министерством по делам Востока и негласную — с фашистской политической разведкой, гестапо и абвером, действуя по их указаниям, осуществлять организаторские, про-

пагандистские и даже контрразведывательные функции в батальонах легиона.

Было и «разделение труда». ОКВ формировал и обучал национальные легионы. Отдел фон Менде создавал «комитеты» и «посредничества», ведал националистическими изданиями. «Реферат» Ольцша использовал все эти подразделения и их возможности для изучения контингента и вербовки из его числа агентуры для заброски на территории советских национальных республик с целью осуществления шпионажа, диверсий и распространения панических слухов. В связи с этим он занимал как бы главенствующее положение.

Контрразведывательная работа в комитетах была возложена также на Ольцша, в легионах — на отделы 1-Ц абвера. Обе эти службы тесно взаимодействовали с отделами Людерзона и фон Менде.

Непосредственно каждым из националистических комитетов и легионов занимался кто-либо из референтов Ольцша.

Человеком, который был призван обеспечивать интересы германской политической разведки и контрразведки среди «волго-татарен», стал референт Ольцша Генрих Унгляубе. В целях конспирации он был представлен сотрудником восточного министерства, помощником фон Менде, и только освобожденные знали действительное его положение.

Для территории, раскинувшейся между Волгой и Уралом, ведомство Розенберга ввело общее понятие «Идель-Урал». По представлению фон Менде, народы нерусских

национальностей этих районов должны были рассматривать эту территорию как свою «общую родину».

* * *

Комплектование комитета «Идель-Урал» было нелегким делом. Прежнего «лидера» татарской белой эмиграции в Германии Гаяза Исхакова, который мог претендовать на пост «президента», Олыцша невзлюбил как интригана, перессорившегося из-за подачек с фашистского стола со всеми своими соплеменниками, и он был вынужден покинуть Германию.

Отверг Олыцша и кандидатуру другого «лидера» эмиграции — Галимжана Идриси. Хотя этого муллу ведомство Геббельса и использовало для ведения радиопропаганды на мусульманские страны Ближнего Востока, тем не менее он больше доверял гестапо, по данным которого, Идриси был в ссоре буквально со всеми эмигрантами. И потом — его жена Шамсия Идриси, да и он сам... Но об этом несколько позже.

Отметим, что Галимжан Идриси и Гаяз Исхаков были яркими националистами-анти-советчиками. В тридцатых годах они возглавляли белоземigrantскую организацию с тем же названием «Идель-Урал». Но теперь требовались люди другого плана: и прежде всего более податливые.

Таким мог быть Шафи Алмас.

Олыцша и фон Менде не раз перелистывали досье на этого человека. Под именем Шафи Алмаса скрывался беглый казанский

купчишка Габдрахман Шафеев. В дни гражданской войны, прихватив кое-что на жизнь, он бежал из России в Турцию. Там был подобран английской разведкой, которая помогла ему получить турецкое гражданство. Это был аванс, который предстояло отработать. И вот в 1927 году Шафеев появляется в СССР. Уже под новой фамилией, в качестве мелкого клерка посольства Турции, в действительности же — тайного агента Британской разведки.

Задолго до второй мировой войны англичане забросили его в Берлин, где он орудовал под видом коммерсанта и на вырученные средства даже купил шестиэтажный дом. После нападения Германии на Советский Союз он был разоблачен гестапо и перевербован. «Специалистов» по Советской России, да еще со знанием татарского языка, было не так много, и для начала его пристроили в Министерство Востока.

Ольцша поморщился.

— Продажный. Безвольный. Малограмотный... Не знаю, как вы, группенфюрер, но я хотел бы видеть на посту президента татарского комитета человека более достойного.

Фон Менде постоянно ощущал превосходство Ольцша над собой как представителя политической разведки, но тут решительно возразил.

— Я тоже желал бы этого, господин гауптштурмфюрер, но у нас установка на старых эмигрантов. Вы не захотели ни Исхакова, ни Идриси. Остается одна возможность — Шафи Алмас. Он ненавидит большевиков со времен революции в России. Предан фюре-

ру. Исполнителен. А талант организатора есть у Унгляубе.

Ольцша ухмыльнулся.

— Хорошо. Согласен утвердить в должности... вице-президента.

Следующим Унгляубе подал досье на Ахмеда Темира. Оно состояло всего из нескольких листков и содержало минимум сведений: 1910 года рождения, сын муллы из Оренбургской губернии, бежал из России в Турцию в двадцатые годы. Тогда же был принят в турецкое гражданство. Затем — Германия. Закончил немецкий университет...

Ольцша взглянул на фотографию Темира. Квадратное лицо, русые волосы, крупный нос, черные глаза...

— Не знаю, почему, но он мне импонирует. Может быть, его определим в президенты?

Фон Менде не возражал.

— В конце концов мы ведь его не государством руководить ставим.

— Да, но они так не думают. Я могу судить по Вали Каюму. Этот узбек — всего лишь отпрыск ташкентского купчишки, а уже возомнил себя и ханом, и отцом государства «Большой Туркестан!» — рассмеялся Ольцша.

Лозунг борьбы за великую Германию вряд ли мог вдохновить попавших в плен татар, башкир, чувашей. Фашисты отчетливо понимали это и изыскивали более «привлекательные идеи». Такой «идеей» стало создание мифического государства «Идель-Урал». Тем, кто готов был сложить за него голову, «гарантировались» льготы на приобретение

земли, освобождение от налогов. Глава комитета автоматически объявлялся президентом будущей «Идель-Уральской буржуазной республики», а члены комитета — министрами ее правительства.

В лагерях для советских военнопленных по баракам, в которых содержались так называемые «мусульмане», сновали пропагандисты, распространялись националистические листки со статьями фон Менде, Ахмеда Темира и других. Они играли на национальных и религиозных чувствах, натравливали на коммунистов и просто на русских, обвиняли Советский Союз в том, что будто бы он первым напал на Германию, «доказывали» неизбежность падения советского государства и «закономерность» образования республики «Идель-Урал».

Воздев во время намаза руки к небу, лагерный мулла призывал: «Дети мои... Тот, кто верит в аллаха, непобедим. Сам фюрер Великой Германии принял магометанство и теперь носит имя Гейдар *... Мусульмане, братья, становитесь под сень аллаха и священное знамя фюрера!»

Для «неподдающихся» в лагерях создавались невыносимые условия: голод, расстрелы, травля собаками, дезинформация о положении на Восточном фронте. И когда пленные теряли человеческий облик, надломленных, обезволенных, их насильно зачисляли в легион.

---

* Слух, пущенный нацистами и подхваченный муллами.

Проверка производилась лагерным абвером и медиками. Контрразведчики отвечали за политическую «благонадежность», терапевты на глазок устанавливали состояние здоровья, логопеды — «происхождение». Неправильно произносивших звук «р» относили к евреям. От каждого отбиралась подписка, которой он присягал на верность фюреру.

Завербованных отправляли в лагерь «Ед-лино». Там одевали в зеленые мундиры фашистских солдат с нарукавным знаком «Идель-Урал», ставили на армейское довольствие, зачисляли в тот или иной батальон легиона.

Как-то во «Фрайлагерь» прибыл Унгляубе. Ему нужны были надежные люди. В отделе 1-Ц гауптман положил перед ним несколько поступивших из «Зондерлагеря» характеристик на агентов, но никто из них Унгляубе не заинтересовал. Абверовец продолжал листать дела. В характеристике на Гарипа Султана, в отличие от многих других, было больше слов и, конечно, не обошлось без таких: «...Дает хорошие донесения. Предан фюреру. Готов на все. Пригоден для больших и важных дел...»

В это время Гарип Султан активно готовился к службе своим фашистским хозяевам. Он читал и перечитывал записи лекций, прослушанных за время учебы, конспектировал нужную литературу, освобождался от второстепенного материала.

Выступления Гитлера и Геббельса он перечитывал многократно, всякий раз находя в них что-то новое. Особенно ласкали его душу слова Гитлера о человеческой совести,

с которыми он обращался к своим генералам и деятелям нацистской партии: «Я освобождаю человека от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

Или: «Закрыть сердце всякой человеческой жалости. Действовать жестоко. Право на стороне сильного».

У Геббельса ему особенно импонировал его взгляд на ложь: «Лгать надо так, чтобы лишить доверяющего нам человека способности мыслить».

Эти слова запали в душу Гарипа так глубоко, что стали девизом всей его последующей жизни.

Унгляубе попросил дать ему встречу с Султаном Гарипом и взял на нее в качестве переводчика Шафи Алмаса.

Гарип прибыл на явку, соблюдая установленные правила конспирации. Унгляубе задавал один вопрос за другим. Отвечая, Гарип по памяти цитировал места из «Майн кампф», находил аргументы для подтверждения «краха» большевистских идеалов. Он был интеллигентнее других агентов, незауряден, закреплен изменой и предательством, убедительно говорил и даже в какой-то мере владел немецким языком. В его манере держаться было что-то от собачьей преданности. Всем этим он производил впечатление.

Унгляубе спросил:

— Как бы вы посмотрели, если бы я предложил вам перейти ко мне на службу в качестве «советника» по татаро-башкирским делам?

Когда Шафи Алмас вышел, он добавил:

— Вы славно поработали для нас в лагерях пленных и в Вустрау. Теперь займетесь тем же в Берлине.

Гарип Султан согласился не раздумывая. Ему казалось, что это как раз то, к чему он шел все эти месяцы.

* * *

В один из жарких июньских дней 1942 года берлинский отель «Франкишерхоф», что в районе Шарлоттенбурга, сделался на время пристанищем эмигрантского отребья, свезенного сюда из всех стран Востока и Европы.

Унгляубе и Гарип Султан вышли из машины за квартал до отеля и сейчас, направляясь в него, думали каждый о своем.

Султан слышал фамилии некоторых старых эмигрантов, но знаком был только с Ахмедом Темиром и Шафи Алмасом. Кое-что, да и то по рассказам других, знал о Заки Валидове. Это единственный человек, который импонировал ему, вызывал симпатию и уважение.

Мысли Унгляубе вращались вокруг того, как бы заставить эмигрантов-стариков быть сговорчивее друг с другом. Он знал, что ему будет нелегко с ними, и все же усмехнулся:

— Впрочем, пусть тешатся. Им можно даже «гарантировать» положение в обществе, пообещать руководящие посты в послевоенном устройстве России, в том числе в правительстве. Нам они нужны только до того момента, когда армия вермахта окажется за Волгой, а там...

Когда в отеле появился поджарый рыжеволосый Генрих Унгляубе, это тотчас же стало известно на всех этажах и во всех номерах. Посмотреть на него вышли не только татарские националисты, но и туркестанцы, как здесь называли беглецов и предателей — выходцев из советской Средней Азии. Все расшаркивались, изгибались, расплывались в улыбках.

На полплеча за Унгляубе по-петушиному важно вышагивал Гариб Султан. Он был в штатском костюме, при галстукке, в руке нес шляпу. Его встречали и провожали с любопытством.

В отеле затевалась грызня за портфели. Унгляубе предчувствовал это и энергичной походкой последовал прямо в номер татарской группы. Здесь в просторной комнате собрался «цвет» белотатарской эмиграции — люди пожилые и средних лет, успевшие поседеть, некоторые в национальных ермолках. Кроме Идриси, Ахмеда Темира, муллы Гани Усмана, фабриканта Яушева и кое-кого помельче, присутствовал Заки Валидов — Зеки Валиди Тоган, как он просил себя называть.

Заки Валидов был когда-то лидером и даже «теоретиком» башкирских националистов, одним из руководителей басмачества в Восточной Бухаре. Разгромленный, он бежал из

Страны Советов. Вместе с Чокаевым * и Идриси издавал в Берлине пантюркистский журнал «Яш Туркестан» **. Последние годы возглавлял кафедру в Стамбульском университете.

Идеей фикс Валидова было объединение тюркских народов вокруг Турции. Почувствовав запах жареного, несколько дней тому назад он прибыл в Германию. Шафи Алмас любезно ввел его в курс происходящих событий, и Заки Валидову тоже захотелось выступить в роли «спасителя» несчастных народов России от большевиков.

Были здесь и предатели новой формации — Тамурбек Давлетшин, Мугин Бахтиков, Фаткулла Абзалетдинов...

Унгляубе вошел в номер, огляделся. Глава «татарской группы» Ахмед Темир представил ему всех, с кем он не был знаком, в том числе Заки Валидова. Унгляубе здоровался с каждым легким движением головы, иногда задавал вопросы. За плечом его стоял Гарип Султан. Он переводил с русского и татарского на немецкий, внимательно рассматривал и вглядывался в каждого.

«Татарскую группу» интересовало и беспокоило одно — ее место в борьбе и то, на какие податки ее члены могут рассчитывать в случае победы Германии над большевистской Россией.

---

* В свое время уполномоченный Временного правительства по Туркестанскому краю. С установлением там Советской власти бежал за границу.

** «Молодой Туркестан».

Гитлеровское правительство официально заявило о своем признании так называемого «Туркестанского национального комитета», возглавляемого Вали Каюмом. О татарах и башкирах подобных решений пока не было, но Унгляубе имел точные указания не церемониться и придать «волго-татарен» «Туркестанскому комитету» на правах отдела, а их «боевые подразделения» включить в состав «Туркестанского легиона».

Те, кто собрался здесь, терпеть не могли долговязого Вали Каюма, но, как и он, претендовали на «самостоятельность», «независимость», руководящую роль. Все понимали, что спорить с Унгляубе — лично доверенным группенфюрера СС фон Менде — не безопасно, можно попасть в немилость, и все же спор разгорелся.

За «дружеским» обедом спор вспыхнул с новой, еще большей силой. Здесь делили шкуру неубитого медведя, шла бойкая торговля территорией Советского государства вопреки интересам советских народов.

Грызня была жестокой. Туркестанские националисты жаждали нераздельной власти, без «волго-татарен», которых президент «Туркестанского национального комитета» Вали Каюм считал народами обрусевшими и поэтому неполноценными.

Татарские и башкирские националисты, в свою очередь, не желали «родниться» с туркестанцами. Они мечтали и всерьез верили в создание «Идель-Уральского» государства.

Не помогли ни обед в ресторане «Франкишерхоф», ни импровизированный концерт,

ни давление, оказывавшееся со стороны Ун-гляубе.

После полуночи «татарская группа» внесла свой проект компромиссного решения вопроса, так называемый проект «Общего политического курса»:

1. Принять линию на объединение «Туркестанского комитета» с башкирами и татарами при условии замены Вали Каюма Заки Валидовым на посту президента.

2. Сформировать единый мусульманский легион.

Впервые оказавшийся в компании старых националистов, Гарип Султан видел, что между ними идет грызня за власть. Но и себя он тоже почувствовал «вершителем судеб народных». В какой-то момент даже голова закружилась от «высоты», на которой он так неожиданно оказался. Невольно прошептал:

— Что со мной происходит? О, святой аллах!..

Султан не был верующим, но и атеистом тоже. Была привычка, впитанная с молоком матери, в трудные минуты жизни призывать на помощь аллаха.

Перед глазами проплыло детство в семье богомольных родителей. Почему-то вспомнилось, что в школе сверстники называли его человеком «себе на уме»...

Чтобы отвлечься, он принялся разглядывать каждого из тех, кто сейчас окружал его. Пожилые были для него загадкой, от них пахло замшелостью, и казалось, что все они насквозь проедены молью. Те, кто был помоложе, из пленных, выглядели до-

ступнее, казались ближе по духу, но он видел в них соперников.

— Ни одного одухотворенного лица. Пустые, ничего не выражающие глаза. И двух слов толком связать не могут...

Султан испытывал к ним отвращение и вместе с тем понимал, что убрать их с пути ему будет нелегко: руки каждого из них, как и у него, обогрены кровью, а такие не останавливаются ни перед чем и готовы на все, чтобы уцелеть. Кто-кто, а он знал это!

Компромиссное предложение идель-уральцев туркестанцами было отвергнуто, и грызня за власть продолжала обостряться.

Захмелевший Шафи Алмас говорил Заки Валидову:

— Тоже мне мусульманин этот самозванец Вали Каюм! Говорят, женившись на немке Руд Хендшель, он принял лютеранскую веру. Вот и иди за таким ханом!

Валидов, вздыхая, вспоминал Мустафу Чокаева, в прошлом лидера белоэмигрантов-туркестанцев, давнего своего друга, предшественника Вали Каюма. Тот заболел тифом и вместе с Вали Каюмом пребывал в карантине. Каюм выздоровел, а Мустафа «приказал долго жить». Поговаривали (и не без оснований), что Вали Каюм отравил Чокаева, дав ему вместо воды выпить яду, чтобы занять его пост. И он занял его.

Тем не менее Заки Валидов был настроен оптимистично. Ахмеду Темиру и Шафи Алмасу он советовал придерживаться казахов, возглавляемых Карисом Канатбаевым, поскольку они были явно недовольны той ролью, которую им отвел Вали Каюм.

— Теперь все будет зависеть от того, насколько искусно вы сможете использовать противоречия, возникающие между узбеками и казахами, — убеждал Валидов.

Вскоре Заки Валидову пришлось выйти из этой игры националистов. Он прибыл в Германию, имея рекомендацию германского посла в Турции фон Папена. В Берлине его тепло приняли в министерстве иностранных дел, в министерстве пропаганды, и только Райнер Ольцша, ознакомившись с досье, встретил его приезд настороженно. А когда ему донесли, что Заки Валидов рвется в лидеры татаро-башкирских националистов, возмутился.

— Пантюркист, ко всему прочему он же английский агент! — кричал Ольцша на Унгляубе. — Как вы не подумали: Великобритания — страна, с которой мы находимся в состоянии войны, союзник большевистской России. Вы уверены, что он не имеет задания внедриться к нам, чтобы потом вести против нас разведку?

Унгляубе пыхтел, краснел, но чаще пожимал плечами, отмалчивался. Веснушки на его худощавом лице сливались в сплошные темные пятна. У него не было убедительных контрдоводов в пользу Заки Валидова, и он не смел отстаивать его кандидатуру, хотя и чувствовал, что опасения шефа вызваны больше перестраховкой, нежели «интересами Великой Германии».

На следующий день, по представлению Ольцша МИД Германии выдворил Заки Валидова из страны, не представив ему никаких доводов и не дав объяснений. (В конце

1943 г. Валидов вновь появился в Берлине. На этот раз он вел переговоры с предателем Власовым.)

А вскоре в Берлине снова разгорелся сыр-бор. Казахский националист-сепаратист Карис Канатбаев направил рейхсминистру Розенбергу довольно пространное послание. В нем осуждалась ставка Вали Каюма в «Туркестанском комитете» только на узбеков как антинемецкая, так как, по его мнению, это грозило провалу идеи райхсминистра на объединение националистов всех мастей и оттенков и чревато было расколом. Канатбаев требовал санкции на выделение казахов из состава «ТНК» и образования параллельно действующего с ним казахского комитета, в который вошли бы также татарские и башкирские националисты.

Опираясь на рекомендации Заки Валидова, платформу Кариса Канатбаева разделял его последователь, главарь «татарской группы» Ахмед Темир. С целью заручиться поддержкой немцев он направил Раиса Самата, своего кузена, с тайным поручением к «великому муфтию» в Польшу, где тот имел резиденцию.

Гарип Султан был в курсе всего этого. Пока пауки в банке пытались съесть друг друга, он постигал «мудрость жизни», определял свое место среди них, понял, наконец, кто здесь является действительным хозяином, и теперь ориентировался на него.

Он позвонил Унгляубе и попросил срочно встретиться с ним по весьма важному делу. Унгляубе принял его на конспиративной

квартире недалеко от своего ведомства. Султан донес ему обо всем.

Унгляубе реагировал не сразу. Сейчас он понимал только то, что это предвещало новую, быть может, еще более ожесточенную драчку между националистами, что могло увести их от главного. Он поблагодарил Гарипа за верность фюреру, отсчитал несколько крупных купюр и молча положил их перед ним. Султан взял деньги и спрятал в нагрудный карман. Расшаркался, откланялся и ушел через черный ход.

Возвратившись к себе, Унгляубе узнал, что его разыскивает Шафи Алмас, и тут же позвонил ему. Решив, что его час пробил, Шафи также просил встречи, но он явно опоздал с доносом. Сказав, что он уже все знает и что его это не тревожит, Унгляубе отказался встретиться с ним.

Сообщение Унгляубе вывело Олыцша из обычного равновесия, и он распорядился немедленно пресечь затею Ахмеда Темира. Не успел Раис Самат достичь пригорода Варшавы, как был схвачен гестаповцами и заключен под стражу. Ахмед Темир в тот же день был допрошен, его отстранили от занимаемого им поста руководителя «татарской группы», вечером в сопровождении конвоя доставили на аэродром и выдворили в Турцию. На его место, не найдя другой, более «достойной» кандидатуры, гауптштурмфюрер СС Олыцша назначил Шафи Алмаса, являвшегося вторым лицом после Темира и давно рвавшегося к власти. Фон Менде не возражал против него и лично объявил об этом новому ставленнику.

Для того, чтобы прекратить драчки между националистами, фон Менде убедил Ольца в целесообразности образования самостоятельного «татарыше миттельштелле» — так называемого посредничества с функциями и правами комитета. С приходом к руководству Шафи Алмаса оно было создано и разместились в Берлине в доме № 14 по Нойенбургштрассе, как и остальные национальные комитеты. Вопрос о создании комитета, подобного туркестанскому, был оставлен открытым *.

Гарип Султан получил должность в отделе пропаганды «Посредничества» и продолжал оставаться на связи у Унгляубе. Он жил в Берлине на частной квартире, имел солдатский паек, не отказывал себе в удовольствиях, ревностно служил своим хозяевам.

Из числа изменников и предателей Родины в состав «Посредничества» были введены также Давлетшин и Нигмати. Тот самый Нигмати — Нигматуллин, который был руководителем группы на курсах пропагандистов в «Зондерлагере», когда там учился Султан.

Для характеристики Нигмати отметим, что в октябре 1941 года ему, командиру взвода, было присвоено воинское звание младшего лейтенанта Красной Армии. А месяц спустя, в дни жарких боев на Волховском фронте, он трусил и сдался в плен гитлеровским войскам. На допросе в абвере он выдал себя за старшего лейтенанта Ниг-

---

* Неофициально «Татарское посредничество» именовали «Волго-татарский комитет — «Идель-Урал».

мати, сдачу в плен объяснил как переход «по политическим мотивам».

Являясь с первых дней плена агентом абвера, а потом и Унгляубе, он предавал всех, кто был настроен антифашистски. Потом — активная деятельность в «Посредничестве», в газете «Тюрк Бирлиге» — («Турецкое объединение») — органе восточно-мусульманского соединения СС, выступления с антисоветскими статьями и речами перед военнопленными и легионерами, звание оберштурмфюрера СС.

Эсэсовец Унгляубе был доволен активностью, услужливостью и пресмыкательством Гарипа Султана — своего «советника», переводчика и осведомителя, даже представил его фон Менде, рекомендовал ввести в состав руководства «Миттельштелле».

— Он большой нацист, чем мы с вами, группенфюрер, — предвидя возможные возражения, сказал он.

Внимательно выслушав своего помощника из ведомства Гиммлера, фон Менде раздумывал.

— Вас не смущает его молодость?

Унгляубе продолжал настаивать:

— Да, но это не такой уж большой порок по сравнению с его достоинствами. Он предан нам, как собака.

Фон Менде знал, что предложение Унгляубе наверняка обговорено с Ольцша, и не возражал.

Вскоре Гарип Султан получил назначение на должность заместителя начальника отдела пропаганды «Посредничества». Одновременно он был поставлен редактором нацио-

налистического журнала «Татаро-немецкая корреспонденция». Затем возглавил орготдел. Наконец его «выдвинули» вице-президентом «Миттельштелле».

Вместе с Унгляубе и Шафи Алмасом Султан разъезжал по лагерям Седльце, Едлино, Демблин, Свинемюнде и другим. Бывал в батальонах легиона. Действуя в контакте с офицерами абвера, он встречался с агентурой, вербовал новую, произносил пылкие речи, призывая в большинстве своем насильно загнанных в легион соплеменников к вооруженной борьбе против Советов, за создание государства «Идель-Урал» «без большевиков и колхозов, под руководством националистов и протекторатом великой Германии».

Султану теперь была доверена особая негласная роль платного резидента в «Миттельштелле». В связи с этим его принимал на конспиративной квартире сам Райнер Ольцша. Гариб располагал сетью осведомителей, охотно вел «черный список» неблагонадежных и подозреваемых в неблагонадежности сотрудников. По заданиям Ольцша и Унгляубе проводил слежку. О малейших проявлениях «нездоровых настроений» немедленно доносил.

Те, на кого он строчил доносы, были его соучастниками по грязным делам. Днем он встречался с ними в «деловой» обстановке, вечерами мирно беседовал в гостинице за кружкой пива «Бок-бир». Выспрашивал, выведывал, прикидывался своим. Когда не было оснований придрасться к чему-либо, провоцировал на разговор «о крови Чингисхана и Батыя, зовущей к мщению». Собеседник

спотыкался, путано говорил о превосходстве мусульман над арийцами. Этого было достаточно, чтобы Гарип внес его в свой черный талмуд.

Головокружительное восхождение по крутой лестнице пресмыкательства и предательств, политой кровью и уложенной трупами! Султан был ослеплен. Он с готовностью поверил в «идею» создания мифического государства, тем более, что ему как «вице-президенту» теперь предназначался портфель премьер-министра. В нем заговорило тщеславие, появилось горячее желание войти в историю в качестве «освободителя и борца за свободу». Он угождал и пресмыкался перед гитлеровским начальством, публиковал в журнальчике, который редактировал, антисоветские пасквилы. Двуличие, подлость навсегда стали его второй натурой.

Между тем в батальонах «Волго-татарского легиона» с самого начала было неспокойно. Многие из тех, кто был загнан в него, понимали всю тяжесть и преступность своего положения. Они рвались смыть с себя позор плена и навязанной им гитлеровцами присяги. Учащались случаи перехода на сторону партизан. В связи с этим, естественно, прибавилось работы абверу, да и Унгляубе тоже.

В сентябре 1942 года в первом батальоне были схвачены два легионера, пытавшиеся бежать из Едлинского лагеря к польским партизанам.

В декабре того же года была арестована группа из двадцати легионеров первого и второго батальонов, которые накануне дня

Советской Конституции распространяли и расклеивали антифашистские листовки...

Осень 1942 — апрель 1943 года.

Берлин — Варшава — Едлино

Гауптштурмфюрер СС доктор Райнер Ольцша спал крепким сном, когда затрещал телефон. Надо было всего лишь дотянуться до тумбочки, чтобы взять трубку, но он не в состоянии был оторваться от ночного видения. Сменялись одна за другой картины сна: вот он летит на разведывательном «мессере» вдоль границ Советского Союза над местами, в которых бывал еще в студенческие годы, — Афганистан, Иран, Турция. Тогда он учился на медицинском факультете. Сынок состоятельных родителей, он мог позволить себе подобную поездку.

Вдруг словно сковало дыхание, учащенно забилося сердце, — это он спускается на парашюте над каким-то восточным базаром. Пробирается сквозь толпу пестро и бедно одетых, опаленных южным солнцем людей. Кругом горы ярко-желтых дынь, лилового винограда. Он берет дыню, разрезает ее и жадно ест. Толпа мальчишек с завистью смотрит ему в рот, глотая слюну. Носитель «арийской цивилизации» бросает им одну за другой обглоданные корки и громко хохочет, когда босые и голодные мальчишки, крича и сбивая друг друга с ног, хватают их на лету...

И вот он опять в полете. Напряженно всматривается в даль: где-то там, на севере, простираются необозримые и весьма привлекательные территории Советского Узбекистана, Казахстана, Башкирии, Татарии, то самое «жизненное пространство», которое Гитлер призывал захватывать и аннексировать.

И снова Германия. Вместе с фон Менде он инспектирует национальные легионы вермахта. Джигиты легиона «Идель-Урал» приветствуют его выброшенной вперед рукой, дружным «Хайль Гитлер!». Но в возгласах этих, как ему кажется, нет той преданности фюреру, которой отличается гортанное приветствие арийцев.

Наконец Олыца открывает глаза. Рядом, на тумбочке, трещит телефон. Находясь под впечатлением снов, гауптштурмфюрер старается понять, почему последние недели его по ночам все чаще искушает восточная экзотика, являются темнолицые мусульмане, которых он пренебрежительно называет «недочеловеками». «Уж не случилось ли чего с идель-уральским батальоном? От этих восточных существ всего ожидать можно...» — думает он.

Батальон № 1(825) «Волго-татарского легиона» приказом верховного главнокомандования был направлен в Белоруссию две недели тому назад. В ближайшие дни в составе немецких частей он должен начать карательные операции против советских партизан на Витебщине. Первые испытания его бойцовских качеств — первые тревоги Олыца. Тем более, что в его состав включены

агенты, прошедшие специальную подготовку в Дрезденской школе диверсантов, которым предстоит просочиться в тыл Красной Армии, чтобы сеять там смуту, взрывать военные склады, стратегически важные объекты, отравлять воду в колодцах, уничтожать на корню хлеб и хлопок, шпионить.

А телефон все звонил. Олыцша взглянул на часы: было пять часов утра. На перекидном календаре дата — 23 февраля 1943 года. Нехотя взял трубку:

— Олыцша слушает...

В трубке послышался взволнованный голос Унгляубе.

— Гауптштурмфюрер! Сегодня в полночь первый «Волго-татарский батальон», перебив командиров вермахта, захватив технику и боеприпасы, в районе деревушки Красный Двор под Витебском перешел на сторону белорусских партизан!

Это сообщение на некоторое время лишило Райнера Олыцша дара речи. Но он пересилил себя, спокойным тоном произнес:

— Сейчас прибуду. А пока пригласите ко мне Менде и вызовите этого ублюдка... Шафи Алмаса. Уточните судьбу наших выпускников. Да, да, тех, которых мы с вами готовили к заброске в тыл большевиков. И, пожалуйста, без паники.

Олыцша положил трубку и стал быстро одеваться. Это был удар под ребра, жестокий нокаут самой идее создания и использования национальных легионов против советских партизан и Красной Армии.

— Дикари, азиаты! — в сердцах ругался Олыцша. — Девятьсот живых душ! Столько

же автоматов и винтовок, десятки пулеметов, минометы, орудия... Лучшего подарка русские не могли и ждать, черт побери! Подготовили для них резерв, да еще и вооружили его!

Весть о переходе одного из батальонов «Идель-Уральского легиона» на сторону советских народных мстителей всполошила всех от Розенберга и Гиммлера до последнего абверовца. Непокойно было и в батальонах «Туркестанского легиона».

В штабе Верховного главнокомандования больше не делали ставку на легионы из числа военнопленных как на «ударную силу» против советских войск. Легионерам не было веры. Хейкендорф считал, что главное их назначение теперь — участие в охранных и карательных операциях против французского и итальянского движения Сопротивления. Вместо Восточного фронта было признано целесообразным отправлять их в тыл гитлеровской армии — во Францию, Италию, Бельгию, Голландию...

Особая ответственность ложилась на контрразведку абвера. Необходимо было пересмотреть решительно весь состав легионов. То же самое возлагалось на Унгляубе в отношении «Миттельштелле». Чем больше проходило времени, тем чаще высказывалась уверенность, что «измена» 1-го батальона — не просто из ряда вон выходящий случай, а результат организованной деятельности людей, находящихся в подполье. Кто эти смельчаки, где они обосновались, каким образом им удастся действовать в условиях строжайшей дисциплины и той системы надзора, ко-

торая там существует? Все это было полнейшей загадкой.

...Бывая в лагере Демблин, расположенном в крепости Ивангород на берегу Вислы, Гариб Султан непременно посещал кирпичный барак, в котором жил Муса Гумеров, человек поэтического склада ума, не знающий, что такое пессимизм, отчаяние, сумевший найти себя даже тогда, когда подавлялось все человеческое — разум, чувство чести, достоинство. Султан имел к нему особое «влечение».

Как уже отмечалось, еще осенью 1942 года в лагерях советских военнопленных и батальонах легиона начали появляться антифашистские листовки, что свидетельствовало о наличии в них глубоко законспирированного подполья. Несколько позже в листовках уже содержался призыв готовиться ко «Дню Х». Дальше допускать этого было нельзя. Требовались решительные меры.

Контрразведка абвера сбилась с ног в поисках «преступников». Методом исключения, перебирая всех, кто мог быть вдохновителем подполья, оно приходило к выводу, что ими могли быть Гайнан Курмаш, Муса Гумеров, возможно, Абдулла Баттал... Это были люди, к которым тянулись другие. К тому же прошел и как-то сразу оборвался слух о том, что Гумеров на самом деле — известный татарский поэт Муса Джалиль. Удостовериться же в этом ни путем допросов военнопленных, ни через агентуру пока не удавалось.

В числе агентов не оказалось большего «эрудита», нежели Гариб Султан, который, по мнению Унгляубе, был бы в состоянии

интеллектуально противостоять Гумерову, и он получил ответственное задание втереться к нему в доверие.

Приезжая по делам «службы» в лагерь Демблин, Гариб теперь неизменно искал встреч с Мусой. Гумеров тоже присматривался к нему. В какой-то момент он мог даже поверить, что Султан согласился работать в «Посредничестве», играть позорную роль предателя только ради того, чтобы в случае необходимости «стать полезным... своим...»

Однажды между ними зашел разговор о доме. Гариб вспомнил школьные годы, учебу в Уфимском институте. Муса читал на голодный желудок стихи о Волге, оренбургских степях, о проведенной там юности.

Они были одни в этой части двора. Вдруг Султан осмотрелся вокруг и заговорщицки произнес:

— А я помню тебя, Муса. Твои портреты на обложках сборников стихов. Даже, если будешь отрицать, что ты Джаилиль, я не перестану любить твою поэзию. Еще в институте мечтал познакомиться с тобой. Не думал, что встречу тебя на земле врагов наших.

На лице Мусы появилось удивление. А Гариб вкрадчиво продолжал:

— Твои стихи, Муса, здесь учат наизусть. На их слова складывают песни. Они поддерживают дух наших соплеменников. Я в тебя верю и поэтому буду откровенен с тобой. Ты, конечно, слышал о появлении в лагере антифашистских листовок. Их пишут и распространяют смелые и отважные люди, которых воспитала наша Родина. Теперь знай и

другое: есть татары и башкиры и даже морд-вины, чувашаи, марийцы, которые считают, что листовки эти выражают те же мысли и чувства, что и довоенные стихи Джалиля. Но не все знают, что Муса Джалиль находится среди них. Будь осторожен, Муса, ты нужен людям, всем нам, мне тоже.

Муса усмехнулся.

— Поклонники имеются у каждого поэта...

Султан почувствовал недоверие к себе. Гумеров не отвергал его слов, но и не подпускал близко: уж слишком наивными и прямолинейными казались ему доводы этого юркого человека. Возвратившись в Берлин, Султан тотчас же встретился с Унгляубе и обо всем доложил ему.

Слухи чаще всего бывают ложными. Но то, что Муса Гумеров и был татарский поэт Муса Джалиль, было правдой. Об этом знали и догадывались отдельные пленные, но молчали. Для них он был драгоценной частицей Родины, выразителем их стремлений и надежд. Однако благодаря провокаторской роли Гарипа Султана, теперь о нем знали в абвере и гестапо — вплоть до Ольцша и Розенберга.

* * *

Джалиль ушел на фронт добровольцем. До конца июня 1942 года, имея звание политрука, он был корреспондентом армейской газеты «Отвага» на Волховском фронте и сам отважно сражался с фашистскими захватчиками. В плен противника попал буду-

чи тяжело раненым, при попытке выйти из окружения. Лежа в болоте, собрав последние силы, он пытался покончить с собой, но отказал пистолет.

Переживал свой плен Джаилиль стойко, как подобает солдату. Но и в этих страшных условиях он, как мог, старался служить Родине. Его девизом было: «И в плену не сдаваться фашистам!» Он знал, что большинство тех, кто окружает его, — люди, преданные своей Родине. Знал и другое: есть и предатели.

Гайнану Курмашу в ту пору было 23 года. До 1939 года он являлся директором школы в Актюбинске, потом был призван в Красную Армию. Изучил радиодело, стал командиром, младшим лейтенантом.

Война застала Гайнана в Белоруссии. В первые же ее дни в составе группы радистов он был заброшен в тыл противника со специальным заданием. Нарвавшись на засаду, был захвачен в плен и после мучительных допросов этапирован в Польшу, в лагерь для советских военнопленных Седльце.

Курмаш был коммунистом, в лагере быстро нашел единомышленников и включился в работу подпольной партийной организации. Пренебрегая опасностью, делал все, чтобы поддержать дух советского патриотизма среди военнопленных соотечественников. Вскоре его перевели в лагерь-крепость Демблин. Он и там нашел свое место в строю — уже сам создал антифашистскую группу, в которую вошел и Муса Джаилиль.

Заочно Муса и Гайнан были знакомы еще до войны. Джаилиль редактировал журнал

«Октябрь баласы» («Дитя Октября»), Курмаш направлял туда свои стихи. Теперь они делали общее патриотическое дело в плену врага, ведя за собой остальных, подавая пример мужества и героизма.

Деятельность антифашистской группы Курмаша-Джалиля вскоре начала выходить за пределы лагеря Демблин. Главное, чего они добивались на этом этапе, так это бойкота легиона «Идель-Урал».

Курмаш и Джалиль, безусловно, думали и над тем, чтобы иметь своего человека в «Посредничестве». Кандидатура Гарипа Султана отпадала: Муса не доверял ему и рассчитывать на его поддержку в «День X» не мог.

Гитлеровское командование все больше тревожил тот факт, что среди военнопленных и легионеров часто обнаруживались листовки с сообщениями Совинформбюро о положении на фронтах Отечественной войны, с призывами не вступать в легион, сопротивляться. В ОКВ и ведомстве Розенберга всерьез опасались повторения того, что произошло с первым батальоном.

И в самом деле. Существовало «Посредничество». Был лозунг «освобождения России от большевиков и русских». Была, казалось бы, заманчивая идея борьбы за создание государства «Идель-Урал». Но дело от этого не крепло. Больше того — в батальонах складывалась взрывоопасная обстановка. Призванный обеспечивать вместе с ОКВ пропаганду в легионе, Розенберг решил, что главная причина всего кроется в отсутствии на-

циональных авторитетов, «вождей», за которыми бы шли массы.

Таким вожаком, по его убеждению, мог бы стать Муса Гумеров — Джалиль, — надо только «приручить его». Желание привлечь Джалиля упиралось однако в опасение: а не связан ли он с подпольем?

Бесспорно, это был риск.

И тогда, по-видимому, в стенах Восточного министерства и ведомства Имперской безопасности возник коварный план: привлечь Мусу Гумерова к активной деятельности, поставив его в такие условия, чтобы он постоянно находился в поле зрения агентуры контрразведывательных органов.

В декабре 1942 года лагерным начальством с Гумеровым был, видимо, проведен разговор. Его пытались склонить к «добровольному» вступлению в легион, но он категорически отказался. Не дали согласия и его друзья — Курмаш и Баттал. Тогда руководство абвера прибегло к психическому воздействию: всех троих изолировали, переводя в отдельное помещение, где они жили под охраной без права связи с внешним миром.

Когда доложили о «невиданном упорстве» поэта рейхсминистру Розенбергу, тот был взбешен и, казалось, ярости его не будет конца. Потом он пожелал поговорить с Гумеровым сам. Удобнее всего это было осуществить в одном из лагерей Вустрау, куда он иногда наведывался для бесед с тем или иным нужным ему военнопленным.

Гумерова перевели в Зондерлагерь и даже зачислили в одну из групп курсов про-

пагандистов, где он должен был пройти усиленную антисоветскую обработку.

Розенберг тщательно готовился к встрече с поэтом, даже разыскал изданный до войны в Казани сборник его стихотворений.

В конце февраля 1943 года Гумеров был приглашен в кабинет коменданта лагеря, где его ждал Розенберг. Рехсминистр встретил Мусу внешне доброжелательно, сказал, что ознакомился с его произведениями, что он большой поэт и его дело писать стихи, а не скитаться по лагерям. Предложил сменить обстановку, перебраться в Берлин. Обещал предоставить квартиру, паек и руководящую должность в «Миттельштелле».

Встреча с Розенбергом, одним из главнейшей фашистской Германии, была для Мусы неожиданной. Выслушав его, он понял, что заправилы третьего рейха намерены использовать его имя в пропагандистских целях, дабы поправить свои пошатнувшиеся дела. Он и на этот раз категорически отказался.

Всегда уверенный в себе Розенберг ничем не выдал своего раздражения. Напротив, сдержав себя, спокойно сказал, чтобы Гумеров не проявлял горячности и хорошо подумал над его предложением, дал ему несколько дней на размышление.

Тем временем гитлеровцы продолжали делать свое дело — насильно загоняли военнопленных в «Волго-татарский легион», жестоко расправлялись с теми, кто сопротивлялся этому. В этих условиях подпольная группа, взвесив все «за» и «против», следуя указаниям центральной группы из Седльце, пересмотрела свое отношение к легиону и

«Посредничеству». Теперь ее тактикой было — вступать в националистические подразделения, чтобы, используя свое влияние в них, попытаться повернуть оружие против фашистов.

Вскоре в лагерь приехал Унгляубе. Вызвав Джалиля в помещение абверкоманды, он поинтересовался его настроением, потом спросил:

— Рейхсминистр Розенберг хотел бы знать ваше решение, Гумеров. Вы готовы?

— Передайте рейхсминистру, что я принимаю его предложение, но только с одним условием, — сказал Джалиль, мучительно выдвигая из себя каждое слово.

— Да, пожалуйста.

— Я не хотел бы находиться на руководящей должности. Я — поэт.

— Хорошо, — подумав, сказал Унгляубе. — Возьмите на себя культурно-просветительную работу. Это сподручнее.

— Да, это мне ближе. И еще одно...

— Прошу вас.

— Терпеть не могу опеки.

— Хорошо. Вы будете делать то, что считаете нужным...

Это совпадало с намерением антифашистской группы развернуть в «Посредничестве» свою деятельность. Джалиль верил, что «День X» близок. Положение в «Миттельштелле» давало возможность приблизить его, повернуть дело пропаганды в нужном направлении, выхолостив, по возможности, из нее фашистское содержание.

— Разумеется, в интересах Германии, — после некоторого молчания добавил Унгляубе.

* * *

Из Вустрау в середине марта 1943 года Мусу доставили в Берлин. Там его встретил сам Шафи Алмас, предоставил одну из 250 комнат в своем доме, познакомил с дочерью, вручил удостоверение сотрудника Министерства по делам Востока.

Работая в «татаршине Миттельштедте» на Нойенбургштрассе, 14, Джалиль находился под усиленным негласным надзором. Отныне положение Мусы Джалиля было трагичным. Одна ниточка связывала его с жизнью, другая с Родиной. И одну из них он обязательно должен был порвать, — так много лет спустя в нескольких словах верно скажет о его положении в то время народный поэт Башкирии Мустай Карим.

Гарип Султан был посвящен в планы нацистов в отношении поэта. Ему и на этот раз поручалось следить за ним — лично и через доверенных. Однако, встретившись с Мусой в помещении «Посредничества», он разыграл неожиданность для него такой встречи.

— Ты не находишь, Муса-эфенди *, что кто-то поступил очень остроумно и дальновидно, вручив поэту дело пропаганды и культуры легиона? Теперь ты важная персона!

Муса отшучивался:

---

* Эфенди — господин.

— А ты не боишься, что твоя радость может быть омрачена Султан-эфенди?

— Работать с умным человеком для меня удовольствие. С тобой мы горы свернем! Здесь сплошная серятина, даже эти фрицы, не говоря о наших, духовные ублюдки, — «разошелся» Гарип. Потом добавил: — Ну, ладно, могу сказать. Меня спрашивали о тебе. Как знаю и прочее. Наверное, засекли наши встречи в Демблине, вот и интересовались.

— Благодарю за протекцию, — иронически произнес Муса.

— А что? Мое словечко, возможно, тоже сыграло свою роль! С тебя причитается! — не поняв иронии, сказал Гарип и рассмеялся.

Муса Джалиль отметил заискивание и назойливость Гарипа, и он стал ему еще более неприятен, нежели прежде, когда он навещал его в лагере военнопленных. Дальнейшие его наблюдения показали, что в «Посредничестве», благодаря связям с Унгляубе и фон Менде, Султан поставлен в такие условия, что его слово значило порой больше, чем слово самого Шафи Алмаса. Он был всюду вхож, сослуживцы как-то сторонились и даже побаивались его.

Обстановка в «Посредничестве» была более чем неприятной. Для нее была характерна постоянная грызня между сотрудниками, склоки, сплетни. Султан часами проводил время в кабинете Унгляубе. Он был не только его «советником», но и переводчиком, так как тот не знал ни русского, ни татарского языка.

Джалиль по-прежнему считал, что с Гарипом Султаном ему не следует ни ссориться, ни сближаться. Однако, учитывая его «авторитет» и связи в «Посредничестве», он полагал разумным держать его от себя на таком расстоянии, чтобы в любое время это можно было использовать в интересах подполья.

Шафи Алмас хотя и имел задание гестапо в отношении Джагиля, однако ему очень импонировало, что в его аппарате ныне служит известный поэт. Его именем он рассчитывал укрепить свое положение в «Посредничестве» и легионе.

В конце марта Шафи Алмас предложил Мусе поехать в Польшу, в лагерь, где легионеры проходили боевую и антисоветскую выучку. Предстояли торжества по случаю отправки во Францию 2-го батальона, и ему по «долгу службы» надлежало быть там.

В Польшу ехали вчетвером: Гарип Султан, Сабит Кунафин, исполнитель татарских песен Абзалетдинов и он — Джагиль. Шафи Алмас и Унгляубе выехали туда же несколькими часами позже.

Путь лежал через Варшаву в Радом — в штаб «Волго-татарского легиона». Мимо окон проносилась непривычная глазу чересполосица, леса и польские деревеньки с домишками, крытыми соломой, с ухоженными кладбищами на отшибе. Каких-нибудь двести-триста километров — и начинается Родина!

Среди попутчиков он выглядел стариком, хотя ему было только тридцать семь лет. Вид у него был усталым, под глазами пролегли морщинки.

Сидевшему напротив него Гарипу Султану было двадцать. Он все старался выглядеть старше своих лет, держался манерно. Глаз Джалиля безошибочно улавливал — парень по-обезьяньи точно копирует своих хозяев, стремится выглядеть таким политическим деятелем. Неприятно резало слух употребляемое им без конца непривычное для советского человека «эфенди».

Между Джалилем и Гарипом возник разговор о послевоенном устройстве мира. Джалиль не смог скрыть, что верит в победу Красной Армии. Султан «сожалел», что победа произойдет без них.

— А государство «Идель-Урал»? Как же быть с ним, ведь и в речах, и в статьях, публикуемых в «Корреспонденции», ты призываешь легионеров бороться за него и за фюрера великой Германии не щадя живота своего? — поинтересовался Муса.

— Ерунда все это! Служба — только и всего! — сказал Гарип, и в голосе его прозвучала фальшивая нота.

Это насторожило Джалиля. Он задумался.

Султан устремил свой взгляд в окно. То, что Джалиль симпатизирует большевикам, для него теперь было бесспорно. Но этого мало! Унгляубе интересовала принадлежность Мусы к подполью, его конкретная деятельность, связи. И он ломал себе голову над тем, как все это выяснить и вместе с тем самому остаться в тени. Ясно — надо ближе сойтись с Мусой! Но как это сделать?

Джалиль еще раз взглянул на Султана, поудобнее уселся, закрыл глаза и сделал

вид, что спит. С этого дня он потерял покой. Появилось предчувствие чего-то недоброго, затаенного.

На память почему-то пришел разговор, происходивший в Берлине (видимо, 24 марта 1943 года) на квартире Давлетшина — заместителя Шафи Алмаса, активного деятеля фашистской газетенки «Идель-Урал», до войны казанского юриста. Кроме хозяина и его шефа, в нем принимали участие Шигап Нигмати и переводчик штабной роты Хамид Мурзагулов, башкир, до войны строитель из Подмосковья.

Речь зашла об «Обращении» так называемого «Русского комитета», подписанном изменником Родины Власовым. Шафи Алмас, распаляясь, кричал, что не желает «впрягаться в русскую колесницу, даже если этот генерал и против большевиков!» Он всерьез рассчитывал, что несмотря на невиданное доселе поражение на Восточном фронте, гитлеровская армия все же преподнесет ему ключи от государства «Идель-Урал» и пост президента...

В купе вошли Кунафин и Абзалетдинов. Канцелярфюрер «Посредничества» Кунафин бойко рассказывал о своей жизни в лагере для советских военнопленных Седльце, при этом громко смеялся и хватался за живот.

— ...А жив остался потому, что выручала коммерция. Отказывал себе в пайке хлеба, приобретал за нее у кого-либо из пленных сломанные часы, заставлял их ходить ровно столько, сколько требовалось, чтобы в обмен на них получить от полиции пачку самосада и раствориться в толпе. Табак раз-

бивал на закрутки и на них снова выменивал хлеб, но уже столько, чтобы насытиться.

Паясничая, Кунафин изображал, как потом полицейский обнаруживал обман, бросал часы на землю и, готовый лопнуть от злости, давил их каблуком. О том, что он и сам вскоре стал полицейским, Кунафин умалчивал: даже среди предателей эта черная должность почетом не пользовалась.

Теперь к теме «забавных» происшествий подключился и Гарип.

Он рассказал, как летом 1942 года Шафи Алмас с ведома Унгляубе затребовал из лагеря военнопленных для работы в «Посредничестве» известного татарского писателя Халитова, а прибыл под этой фамилией неотесанный мужик с трехклассным образованием. Оказалось, что он выдавал себя за знаменитого соотечественника.

«Веселые истории» вызывали гоготание попутчиков.

Джалиль был сдержан. То, что других веселило, его удручало. Лишь рассказу Султана он слабо улыбнулся.

Кунафин спросил:

— Ты что притих, Муса-агай? Или не нравится наше общество?

— А чего веселиться? — ответил Джалиль.

Наступило молчание. Абзалетдинов нарушил его:

— Муса, почитай нам свои стихи.

Султан и Кунафин поддержали просьбу.

Муса достал из заднего кармана брюк самодельный блокнот, перелистал его. Сейчас трудно сказать, что именно читал он своим попутчикам. Возможно, из написанного до

войны, а может быть, строки, которых нам уже никогда не узнать...

В Радоме, по пути в лагерь, Султан приблизился к Абзалетдинову и тихо сказал:

— Блокнот у Мусы надо изъять. При случае он может послужить хорошим вещественным доказательством... Только делай поумному. Пусть думает, что потерял.

Абзалетдинов понимающе кивнул, и они ускорили шаг, чтобы догнать попутчиков.

Торжества по случаю отправки во Францию 2-го (826-го) батальона состоялись 2 апреля 1943 года. Первоначально его предполагалось направить на Восток для участия в карательных операциях против советских партизан, но после измены 1-го батальона рисковать было непростительной глупостью. Тогда в ОКВ было решено передислоцировать его из Польши во Францию и использовать против маки. Но буквально накануне отправки в отдел 1-Ц абвера поступили агентурные данные о том, что в батальоне зреет антифашистский заговор. В тот же день были арестованы «зачинщики». Их судил военный трибунал, и они отбывали наказание в Бранденбургской каторжной тюрьме.

Устрашение устрашением, а с батальоном надо было что-то делать. Легионерам недовстало «патриотического духа». И тогда Унгляубе предложил Шафи Алмасу выступить перед ними с зажигательной речью. Шафи согласился. Ломаясь, с надрывом в голосе он уверял, что только его хлопоты перед фюрером великой Германии привели к тому, что после «измены» первого батальона их всех не отправили умирать от голода и вшей

обратно в лагеря военнопленных, призывал «не позорить его седин и татарскую нацию...»

Шафи Алмаса сменил Гарип Султан. Он по-прежнему разыгрывал из себя великого деятеля. Его речь была высокопарной, голос звучал нарочито уверенно, держался он прямо, лишь иногда прибегал к жестикуляции.

— Джигиты! Покаянемся не свертывать наш национальный флаг! Водрузим его на самом высоком минарете нашей родины! — бросал он в безликую серую массу, одетую в зеленые мундиры фашистской армии со знаком орла на груди и буквами «И-У» на рукаве.

Речи выступавших были выслушаны в тягостном молчании. По команде гитлеровских офицеров там, где это было «необходимо», legionеры выкрикивали: «Хайль», «Зигхайль!» Однако по лагерю они разбредались понурые, каждый со своими тяжелыми думами.

В тот же день батальон погрузили в эшелон и отправили в глубокий тыл «великой и непобедимой» армии Гитлера.

После церемонии проводов все направились в баню. Шафи Алмас подозвал к себе Джалия, заглянул ему в глаза и почему-то спросил:

— Так ты согласен, что жизнь лучше смерти? — Этот философский вопрос, видимо, его волновал всегда.

— Иногда лучше умереть, — ответил Муса.

— Ну, так уж и умереть, — сказал Шафи. — Поживем еще, Муса!.. Слышал я, что в демблинском лагере военнопленных сидит

татарский писатель Салих Баттал. Съезди, Муса, туда и выясни, так ли это. Если слух подтвердится, я возьму его к себе в «Посредничество». Это придаст нам с тобой больше веса.

Для поэта это поручение было неожиданным, но он остался доволен им. Совсем недавно он сам был узником цитадели Демблин, жил там в одном блоке с Абдуллой Батталом и Гайнаном Курмашем. Абдулла, по одному ему известной причине, выдавал себя за брата писателя. До Шафи же молва донесла слух, что он и есть писатель.

Потерев спину Шафи Алмасу и окатившись водой, Абзалетдинов первым направился в предбанник. Наскоро обтеревшись, он стал нащупывать в брюках Джалиля его блокнот. Обнаружив, извлек его и принялся искать место, куда бы спрятать, как вдруг услышал голос Мусы:

— Что, понравились стихи?

— Хорошие у тебя стихи, Муса... Я хотел переписать их...

Блокнот упал на пол.

— А почему руки дрожат, будто кур воровал? Отчего дрожишь, спрашиваю? — заподозрив неладное, требовательно спросил Джалиль.

У Абзалетдинова словно отнялся язык. Муса бросил на него презрительный взгляд, убрал дорогой ему блокнот и принялся вытираться. Отныне, на всякий случай, свои стихотворения он станет заучивать наизусть...

Встреча с друзьями в Демблине была радостной, желанной. Лучшего повода и не придумаешь: послал сам Шафи Алмас! Бат-

тал и Курмаш были обрадованы. Обменявшись новостями, они условились, что Муса постарается перетащить их в лагерь Едлино, в культвзвод легиона, чтобы продолжить и усилить агитацию, начатую подпольщиками первого батальона. Для каждого из них, как и для Мусы, самым главным в этой сложной обстановке было то, чтобы оставленный ими в жизни след не оказался черным.

С помощью Гарипа Султана, искавшего пути сближения с Джалилем, Курмаша и Баттала удалось перевести в культвзвод легиона. В дальнейшем, под тем или иным предлогом увязываясь за Джалилем, Гарип часто приезжал в культвзвод «на репетиции». Теперь общение Джалиля, Курмаша и Баттала было более частым и естественным. Казалось, это должно было бы и облегчить наблюдение за ними, однако на самом деле лишь затруднило слежку. А в батальонах листовки появлялись по-прежнему.

Май 1943 — март 1944 года.

Берлин — Радом — Ле-Пюи

3 мая 1943 года Шафи Алмас письменно доносил зондерфюреру Людерзону на сотрудника редакции газеты «Идель-Урал» военнопленного Рахима Саттарова, до войны редактировавшего молодежную татарскую республиканскую газету: «...Саттаров внедрен в «Посредничество» большевистским командованием с целью как можно больше нанести нам вреда и помешать нашей общей нацио-

нальной работе; он стремится повернуть газету в таком направлении, чтобы она если и не выражала пробольшевистские настроения, то хотя бы не наносила вред большевизму; он пропагандирует идею о единстве русского и татарского народов».

О других сотрудниках говорилось: «Наши старания включить их в активную работу и побудить написать антибольшевистские статьи не имели успеха и даже встречали открытое сопротивление».

Все это говорит об обстановке шпионмании и доносительства, которая царила в «Посредничестве». Дальнейшие события еще больше насторожили предателей.

В одну из поездок Рахима Саттарова в расположение легиона на берлинском вокзале «Остбанхоф» его провожали Абдулла Алишев и Киям Гилязиев — сотрудники газеты «Идель-Урал». Саттаров много шутил и даже угостил друзей пивом. Распрощавшись с ними, он решительно проследовал в свое купе, уселся у окна, закурил: «Больше вы меня не увидите, господа!»

И не увидели!

Потом говорили, что, прибыв в штаб легиона, он упросил ничего не подозревавшего легионфюрера фон Зикендорфа включить его в состав рабочей роты, направлявшейся на фронт в качестве подсобной силы. Где-то под Рославлем с пятнадцатью единомышленниками он ушел к партизанам.

Когда известие об этом дошло до Берлина, Шафи Алмас не на шутку перетрусил. Боясь потерять свое место в «Посредничестве», он побежал к Унгляубе.

— Мы же предупреждали... Поднимите мое донесение на имя зондерфюрера Людер-зона!

В результате побега Саттарова слежка за сотрудниками «Посредничества», подозревавшимися в «преступных» связях с ним, была усилена, в том числе за Джалилем. Гариб Султан получил строжайшее указание не спускать с него глаз и лез из кожи вон, чтобы оправдать «доверие».

В июне 1943 года произошло еще одно, пожалуй, решающее событие.

Гауптман Шмидт, заместитель командира легиона, вызвал к себе в кабинет начальника отдела 1-Ц абвера Хелли и вместо обычного приветствия встретил его вопросом:

— Ну-с, как живете-поживаете, господин ротмистр?

Тон, которым это было сказано, не оставлял сомнений: Шмидт, в силу неистребимой кастовой привычки большинства строевиков «подложить свинью» контрразведчикам, намерен преподнести ему «приятный» сюрприз. Хелли понял это и ждал подвоха.

— И чем только вы и ваши люди, господин ротмистр, занимаетесь? Ловите легионеров, променявших казенное одеяло на шнапс, а такое прозевали?.. — И он положил перед ним сложенную вчетверо помятую бумажку размером не более половины тетрадного листа.

Взглянув на бумажку, Хелли сразу определил: антифашистская листовка на русском языке. Не в пример уже встречавшимся ему, нацарапанным карандашом, да еще печатными буквами, эта выглядела более привлека-

тельно, была отпечатана на пишущей машинке и размножена, видимо, на стеклографе, возможно, ротаторе...

Гауптман подал Хелли также перевод листовки. Она была обращена к legionерам. В ней говорилось о поражениях фашистов на советско-германском фронте. Но самое страшное было в том, что листовка призывала соотечественников помнить об ответственности перед Родиной и при первой же возможности, по примеру первого батальона, переходить на сторону советских партизан или сил Сопротивления. Написано все это было с большим чувством и в сильных выражениях. В конце стояло: «Смерть немецким оккупантам!»

Гауптман Шмидт продолжал:

— Я вызвал вас, чтобы выяснить, как эта листовка попала в распоряжение четвертого (№ 828) батальона...

Хелли все стало ясно, он даже успокоился. Четвертый батальон размещался теперь не в Радомском лагере, а одновременно в нескольких польских городах, где нес охранную службу. Это давало ему основание предположить, что листовка была заброшена польскими «бандами» — только так именовались в официальных документах партизаны, среди которых немало было бежавших из плена русских, татар, башкир, узбеков. В пользу такого предположения говорил и способ, которым была изготовлена листовка: в батальоне не было ни машинки с таким шрифтом, ни ротатора.

Хелли высказал все эти соображения. Найдя их приемлемыми, Шмидт вынужден

был согласиться с ним. «Подложить свинью» не удалось. Уже примирительным тоном заключил:

— У меня имеется рапорт командира четвертого батальона. Листовка была обнаружена в казарме, которую занимает четвертая рота. И находилась она в личных вещах легионера... — гауптман пробежался по тексту рапорта-донесения, лежавшего перед ним, — Зу-лей-ма-но-фа...

Протянув его Хелли, он добавил:

— Можете познакомиться с этим документом сами.

Возвратившись в отдел, Хелли несколько раз прочитал рапорт. В нем сообщалось: «20 июня 1943 года во время обыска, производившегося по моему приказанию, в расположении четвертой роты батальона в г. Скаржиско-Каменна, у старшины Сулейманова под матрацем была обнаружена и изъята антинемецкая листовка. Будучи допрошенным, он показал, что нашел ее в районе железнодорожного моста, который охраняла рота. Сулейманов — татарин из Уфы, в прошлом имел хорошую репутацию...»

Возвращаясь из Крушино, где размещались рабочие роты легиона, Унгляубе и Гарип Султан завернули в лагерь Едлино. Легионфюрер фон Зикендорф, знавший о листовке от своего заместителя Шмидта, тотчас пригласил к себе Хелли и попросил его доложить о событиях последних дней. Унгляубе задумался.

— Чтобы изготовить подобную листовку, надо иметь как минимум радиоприемник, пи-

шущую машинку, стеклограф, вдохновителей, исполнителей и распространителей.

Зикендорф забеспокоился:

— Вы думаете, что в четвертом батальоне действует большевистское подполье?

Султан долго вертел в руках листовку, вчитывался в ее текст, разглядывал буквы, бумагу, на которой она была исполнена, будто пробовал на вкус. Подозрение родилось у него в первые же мгновения, но он доложил о нем лишь Унгляубе и то, когда они покинули кабинет легионфюрера.

— Я должен высказать одно, сознаюсь, весьма неприятное для меня и для вас предположение, — начал он вкрадчиво. — Листовка, которую мы читали, скорее всего не подброшена партизанами, а размножена на ротаторе, находящемся в «Посредничестве». Да и бумага такая же, на которой печатают наши газеты...

— На том самом ротаторе? — уставился на него Унгляубе.

— Да, на том самом. Раис Самат печатает на нем журнал «Татаро-немецкая корреспонденция».

— Но господин Самат...

— Раис Самат вне подозрений, он мой доверенный. Но к ротатору имеет доступ довольно широкий круг лиц. Практически любой из «Посредничества» может им воспользоваться.

— Ваше предположение, господин Султан, если только экспертиза подтвердит его, дает нам в руки хорошую ниточку...

Подумав, Унгляубе спросил:

— Вы имеете в виду Джалиля?

— Да, шеф.

* * *

Унгляубе начал развивать план дальнейших действий. Поскольку все это, возможно, выходило за пределы легиона и бросало тень на «Посредничество», решено было действовать осмотрительно, первоначально обсудить положение в Берлине с гауптштурмфюрером СС Ольцша и группенфюрером СС фон Менде.

Однако Султан решил проявить инициативу и проверить свои предположения на месте. В случае, если ниточка окажется в его руках, он сам начнет разматывать весь клубок событий и тогда...

Пока Унгляубе занимался другими делами, он отправился в расположение культвзвода легиона и разыскал там фельдфебеля Исламгулова, являвшегося переводчиком. С ним Султан давно установил доверительные отношения и имел основание считать, что они носят более откровенный характер, чем отношения того же Исламгулова с абверовцем Хелли.

Фельдфебеля он нашел в его комнате при солдатском клубе, большую часть которой занимал массивный проигрыватель. На нем по утрам и вечерам крутили пластинки. На подоконнике лежали кипы антисоветских газет и журналов от власовской «Зари» до «Идель-Урала» и «Корреспонденции».

Сразу же выяснилось одно очень важное обстоятельство. Оказывается, недели за две до обнаружения листовки, в Скаржиско-Каменну выезжали два работника культвзвода: унтер-офицер Курмаш и обер-ефрейтор Касымов. Они там выступали с докладами перед legionерами.

Чувствуя, что клубочек вот-вот начнет разматываться, Султан стал подробно расспрашивать Исламгулова, как ведет себя Курмаш, с кем он наиболее близок. Фельдфебель не отличался особой словоохотливостью, отвечал односложно. Его невыразительное лицо при этом оставалось безучастным. Одним словом, собеседник он был, что называется, не из приятных.

Султан знал, что Исламгулов далеко не так прост, как это могло показаться на первый взгляд, что больше всего на свете он боится того, как бы в легионе не узнали о том, что он доносит на тех, с кем служит. И Султан терпеливо выуживал из него все новые и новые сведения.

Выяснилось, что Курмаш работает над пьесой под названием «Уч» («Месть») из жизни legionеров, которую культвзвод намеревался показать в день «юбилея» легиона — празднования годовщины его образования. Султан задумался:

— Неплохо... К тому же этим самым Курмаш отрезает себе обратный путь к большевикам...

Исламгулов заметил уклончиво:

— Как сказать, Султан-эфенди. Боюсь, что этой самой пьеской Курмаш просто пускает пыль в глаза...

Исламгулов замолчал. Султан бросил в него недобрый взгляд.

— Чего молчишь? Договаривай, раз уж начал.

— Не от него слышал, вот и задумался. Люди оговорить могут. Ну, да ладно. Дошел до меня один его разговор. Курмаш хвалился, что ежели удастся его план, то большевики ему не только пьесу простят, но и все прочее, даже орден привесят.

— Какой план? О чем ты говоришь, Исламгулов? — Султан не скрывал своего нетерпения.

— По разговорам, Курмаш подбивает кое-кого повторить то, что произошло с первым батальоном. Есть у него дружки и в Берлине, в «Посредничестве».

— Уж не Джаилиль-Гумеров ли, а? Они и в Демблине были вместе, и в культвзвод он перетасил Курмаша.

— Может быть, и Гумеров, да фактов у меня нет. Разве только то, что во время приездов его в культвзвод они уединяются, о чем-то тихо и подолгу разговаривают.

Султан усмехнулся, а Исламгулов продолжал:

— Я старался держаться около Курмаша, как об этом велели вы. На Гумерова, по правде, не обращал внимания. Курмаш же больше молчит со мной. А сам не заведешь разговора на такую тему. Он большой человек, писатель, не чета нам.

— Тогда кто же, если не Гумеров? — допытывался Султан.

— Какие-то Симай и Шабай... О Гумерове поговорите с Тинчуриным. Он, как и я,

переводчик и тоже имеет общение со всеми в культвзводе. Тинчури́н как-то подошел ко мне и сказал: «Гумеров — ненадежный человек». Расспрашивать его я не стал, боясь навлечь на себя подозрения. Может быть, вам он расскажет обо всем.

Дав задание следить и за Гумеровым, Султан бросился к Унгляубе. В кабинет он не вошел, а буквально ворвался.

— Дело сделано! Нитка в наших руках!

Унгляубе не надо было объяснять, что Симай — это сотрудник Министерства пропаганды Ахмет Симаев, а Шабай — секретарь Шафи Алмаса — Гариф Шабаев. Он знал их лично.

С Тинчуриным Султан и Унгляубе разговаривали вдвоем, но и эта встреча мало что дала ему. Можно сказать, ничего не дала. Вывод о «ненадежности Гумерова» он сделал лишь по его патриотическим стихотворениям и той «чисто культурнической» программе, по которой строились организуемые им концерты для легионеров. Он знал и сам об этом. Шафи Алмас даже разговаривал с Гумеровым по этому поводу, требовал перестройки, «внесения» нацистского содержания, но поэт имел свой взгляд на вещи.

Перед отъездом в Берлин Унгляубе и Султан вновь встретились с ротмистром Хелли. Унгляубе его проинформировал:

— В деле с листовкой, возможно, замешан унтер-офицер Курмаш и еще кое-кто из легионеров культвзвода. Не исключается их связь с Берлином. С учетом этого отделу абвера следует позаботиться о том, чтобы его

люди контролировали каждую поездку пропагандистов легиона в Берлин.

Хелли, разумеется, имел своих агентов в культвзводе. Но после разговора с Унгляубе он вызвал фельдфебеля Блока и приказал ему внедрить к «артистам» еще парочку наиболее надежных осведомителей.

Прямым следствием этого разговора было появление в культвзводе нового пропагандиста — невысокого, остролищего и горбоносого «очкарика» с тонкими губами — Махмута Ямалутдинова. В лагере Ёдлино он появился незадолго перед этим, в мае 1943 года, в форме унтер-офицера, с медалью 1 степени, выпущенной специально для «восточных добровольцев». Получил он ее за участие в карательных операциях против советских партизан в районе Глухов — Шостка — Новгород Северский в составе одного из батальонов Туркестанского легиона.

В Берлине, у гауптштурмфюрера Ольцша, эпизод с листовкой, обнаруженной в польском городке Скаржиско-Каменна у фельдфебеля Сулейманова, разросся до масштабов, которые и не снились детективам Канариса из отдела абвера легиона.

Исследования специалистов подтвердили предположения Гарипа Султана: листовка размножена на ротаторе, принадлежащем «татарине Миттельштелле». Удалось выяснить, что подлинник листовки изготовлен на пишущей машинке так называемой «татарской студии» радиостанции «Винета»*, под-

---

* «Винета» — название пропагандистского органа и радиостанции ведомства Геббельса, которая действовала против Советского Союза.

чиненной Геббельсовскому Министерству пропаганды. Однако о причастности к этому Джалиля ничто не говорило.

Райнер Ольцша, как только ему доложили обо всем этом, приказал представить ему список всех сотрудников «татарской студии» и «Миттельштелле» с агентурной характеристикой на каждого.

Из ведомства Геббельса внимание нациста привлекли первоначально две фамилии: Идриси и Симаев. Шамсия Идриси возглавляла «волго-татарскую студию» «Винеты». Ее мужа, профессора Идриси, в РСХА считали сомнительной личностью. Эмигранты обвиняли его в том, что он является будто бы советским шпионом, — и только на том основании, что в 1920 году Идриси выезжал в СССР для вербовки студентов на учебу в Германию, был там арестован, но вскоре освобожден и благополучно вернулся в Берлин. Шамсия также неоднократно выезжала в Москву. Получив очередной донос от противника Идриси, гестапо всякий раз проводило расследование, но оно оканчивалось безрезультатно.

И вот теперь всплыла новая «улика», правда, в отношении его супруги...

Ахмед Симаев — переводчик и диктор «татарской группы» «Винеты», подчиненный мадам Идриси, в прошлом советский журналист, попал в плен к немцам при обстоятельствах, которые давали Ольцша возможность подозревать его в причастности к советской разведке.

В списке личного состава «Миттельштелле» Ольцша, несмотря на отсутствие улики,

поставил жирные точки против ряда фамилий, в том числе против фамилии Джалиля. И хотя все это были лишь подозрения, делу придавалось первостепенное значение. К нему подключились лично фон Менде и зондерфюрер Людерзон.

Гарип Султан, помимо других своих обязанностей представлявший «Миттельштелле» в РСХА, Восточном министерстве и ОКВ, был в эти дни нарасхват. От него требовали все новых и новых доносов. Как резидент, он встречался со своими осведомителями из числа работников «Посредничества», вербовал новых, многое дорабатывал своим воображением.

Под плотное наблюдение был взят Гайнан Курмаш, систематически приезжавший из Радома в Берлин по заданиям командования легиона, за нацистской литературой. Теперь вместе с ним в «Миттельштелле» направляли кого-нибудь из агентуры. Раза два сопровождал его Махмут Ямалутдинов, но безрезультатно.

В те же дни старшина четвертой роты четвертого батальона Сулейманов по секретному предписанию из Берлина был негласно арестован. Его подвергли допросам с «пристрастием». В первых числах июля, в ночное время, также негласно его перевезли в Варшавскую тюрьму. Но все эти предосторожности и нажим оказались излишними: он подтвердил лишь свои прежние показания.

Подозрения о причастности к подполью Мусы Джалиля у Ольцша возникли давно. Когда Султан и Кунафин доложили Унгляубе о наличии у него блокнота с «крамоль-

ными стихами», эти подозрения еще более укрепились. Не оставляла сомнения и связь Джалиля с Ахмедом Симаевым. Еще во время пребывания Гумерова во Фрайлагере Симаев вел переписку с ним и даже направлял ему посылки с оказией.

Поэта теперь ни на минуту не оставляли без тайного присмотра. Осведомители доносили Гарипу Султану о каждом его шаге внутри и вне «Посредничества». Обо всем он докладывал Унгляубе.

В июле Джалиля командировали из Берлина в Радом, в культзвод, где по данным контрразведывательной службы легиона все же существовало боевое ядро антифашистского подполья. Все было сделано для того, чтобы следить за ним, подсматривать, подслушивать.

Надвигался август. В «Посредничестве» готовились торжественно отметить годовщину образования легиона. Особенно суетился Шафи Алмас. Как-никак в это предприятие вложено и его старание! Он мечтал стать президентом республики «Идель-Урал», и в этом случае легион превращался в его гвардию.

Приближался и «День X», день решительных действий антигитлеровского подполья: усиливалась агитация, все больший круг людей вовлекался в орбиту его подготовки, листовки теперь прямо призывали к восстанию и распространялись в больших количествах, чем прежде. Но, делая это, участники подпольного ядра в спешке проявляли где-то излишнюю доверчивость, в чем-то пренебрегали конспирацией. А контрразведка абвера только того и ждала.

В дни, когда Джалиль находился в Радо-
ме, там состоялась торжественная отправка
«на передовую» третьего батальона, извест-
ного под № 827. По специальному указанию
ОКВ батальон направили в Западную Украи-
ну. Пройдет немного времени и его вместе
с дивизией «СС — Галичина» перебросят в
долину реки Бистрица, навстречу двигавшей-
ся в сторону Карпат партизанской армии со-
ветского генерала Ковпака.

После конфуза, происшедшего с первым
батальоном, это был единственный случай,
когда легионеров все же решились исполь-
зовать против советских партизан. Сказыва-
лась нехватка людских и воинских резервов.
Были соблюдены и предосторожности: в слу-
чае побега каждый из тех, кто «изменит»,
должен будет иметь дело не только с вой-
сками СС, но и с карательными отрядами
украинских националистов-бандеровцев.

Гитлеровское командование возлагало на
батальон свои надежды, но оно не учло од-
ного: подпольная организация Курмаша —
Джалиля располагала своими людьми и там.
Это были Ахат Атнашев, Салим Бухаров, Габ-
бас Кадермаев, Муса Демаков и Шай Ами-
ров. Один из видных руководителей подполья
Фуат Сайфельмулюков перед отправкой снаб-
дил их листовками, привезенными в послед-
ний момент из Берлина.

Командировка Гумерова в Радом не при-
несла лавров ее устроителям. Он почти все
время пропадал на репетициях хоровой ка-
пеллы и постановочной группы культзвода.

Унгляубе и Султан на несколько дней покинули Берлин. Встречались с агентурой, провели время в охотничьем домике недалеко от Анклама в Померании. На обратном пути Султан заехал в так называемый дом отдыха легиона, находившийся в местечке Даргбиле. Там в это время отдыхал фон Менде с семьей, и он решил посетить его, чтобы доложить ему последние новости.

Бывший ординарный профессор из Познани фон Менде, руководивший ныне планированием политики фашистской Германии на Востоке, давно (независимо от рекомендаций Унгляубе) заметил бойкого на язык «студента». Он охотно брал его с собой в качестве переводчика с татарского языка на время поездок по лагерям военнопленных и легиона «Идель-Урал». Встреча в Даргбиле укрепила отношения между ними. Султан сумел стать своим человеком в семье фон Менде, даже сопровождал его супругу, когда она выезжала в Берлин.

Имея такое знакомство, он чувствовал себя уверенно, открыто поносил Шафи Алмаса за его неспособность руководить, нередко отменял его указания и навязывал свои. На этой почве между ними начались серьезные стычки, но Султан не отступал: он рвался к власти.

Во время пребывания Султана в Даргбиле его разыскал один из платных осведомителей. Он донес, что пропагандист культвзвода Абдулла Баттал заводит-де странные разговоры то с одним, то с другим легионером,

вроде бы интересуется мнением собеседника: «А вдруг победят наши? Какими глазами будем смотреть на них? Отвечать придется. Что-то надо делать...»

Султан тут же доложил об этом фон Менде. Баттал был немедленно схвачен. Его привезли в Анклам и посадили на гауптвахту. Султан и фон Менде лично допрашивали его, но он все отрицал. Слов доносчика никто не подтвердил, и его пришлось освободить. Однако Баттала все же взяли на подозрение.

Подпольщики работали активно — распространяли листовки, вели разъяснительную работу. Не раз натыкались на провокаторов. Можно документально подтвердить, что и Курмаш вел откровенные разговоры с Ямалутдиновым, да и с Исламгуловым и Тинчуриным тоже. Ставил перед ними тот же вопрос: «Что-то надо делать...»

Люди были разные. Невозможно было предположить и тем более поверить, что, скажем, бывший школьный учитель, младший командир Красной Армии Исламгулов станет агентом гестапо под № Р-621, что его зачислят все в тот же культвзвод, а потом напишут в характеристике: «Идеалист, приносил мало, но хорошие донесения, пригоден для больших дел». Фашизм калечил людей слабым духом.

...Гитлеровская стратегия «блиц-крига» не выдержала проверки жизнью. Военная машина вермахта на Восточном фронте несла поражение за поражением. Над Германией постепенно сгущались тучи. Фашистские газеты теперь уже без обычной для них барабанной дробы и трескотни писали о развер-

нувшихся в районе Курской дуги невиданных по размаху и ожесточению танковых сражениях.

Гарип Султан не верил, точнее — не хотел верить в возможность поражения Германии в войне, хотя и колебался иногда, раздумывал, боялся развязки. Это его пугало, и он старался не заглядывать даже в ближайшее будущее. В любом случае он давно уже сделал свой выбор и судьбу свою окончательно связал с теми, кто готов задушить Советы, уничтожить завоевания Октября. Какими далекими казались ему сейчас идеи, которые прививали ему с детства!

— Родина? Зачем она? Да и что это такое?! Всюду есть реки и горы, деревни и города... — примитивно рассуждал он.

Он теперь чувствовал себя таким «европейцем», познавшим, что такое «жизнь, достойная человека», как он любил выражаться. У него были деньги, женщины. И, как он считал, «вес в обществе». Об остальном он пока не задумывался.

Приближалось 14 августа 1943 года, дата «Дня X», как удалось все же установить ищейкам Гиммлера и Канариса.

Райнер Ольцша не переставал совещаться с фон Менде и другими чинами СС и абвера. Рейхсфюреру СС Гиммлеру требовалось доложить о ликвидации «заговора» в легионе и в «Посредничестве», но он до сих пор не был даже раскрыт.

О плане восстания, конечно, догадывались по тому, как оно проходило в батальоне № 1 (825): legionеры перебьют гитлеровских офицеров, абверовцев, предателей и, захватив

оружие, уйдут к партизанам. Чтобы помешать этому, был отдан приказ о подготовке к аресту всех, кто подозревался в нелегальной деятельности, независимо от состава преступления и наличия вины, улики, доказательств.

Помог случай.

2 августа 1943 года в Берлин за газетой «Идель-Урал» и другой нацистской литературой командование легиона, как обычно, направило Курмаша, Амирова и Баттала. Вместе с ними в Берлин на короткое время выехал и находившийся в легионе Муса Джалиль. Уже в последний момент к ним под благовидным предлогом подключили Мурзагулова. В его задачу как агента входила неотступная слежка за ними.

По приезде в Берлин Амиров тут же откололся от группы по своим делам. Мурзагулов не отставал от Курмаша и Баттала, скользя тем самым их действия. Поняв это, Джалиль решил отвлечь его от подпольщиков и пригласил к себе домой. Мурзагулова это устраивало, поскольку в отношении Мусы он также был ориентирован Султаном.

Пока Джалиль готовил на кухне ужин, Мурзагулов знакомился с его немногочисленной библиотекой, состоявшей из книг на русском, татарском и немецком языках — преимущественно это были поэтические сборники. Взяв один из них, он долго и внимательно пробежал страницу за страницей. На полях были карандашные пометки, сделанные очевидно Джалилем. Он прочитывал их.

Между страницами 46—47 был заложен листок, исписанный по-татарски. Мурзагулов заинтересовался им.

Это было «Обращение к солдатам легиона». Оно призывало принять участие в «Дне X», повернуть оружие против гитлеровцев. Мурзагулов не поверил своим глазам. Боясь, что войдет Джалиль, он даже не дочитал его до конца, быстро заложил между теми же страницами и поставил книгу на прежнее место.

5 (возможно 6) августа в Радом, на празднование годовщины образования легиона, которое было назначено на 14-е, прибыла группа гостей. В составе ее находились сотрудники «Миттельштелле» — Шафи Алмас, Гарип Султан, Кунафин, Муса Джалиль. Группу возглавлял Унгляубе.

Джалиль сразу же включился в работу: отработывал концертные номера с «артистами» культзвода, встречался с подпольщиками, интересовался настроениями в легионе.

Те, кто ездил в Берлин, в том числе Мурзагулов, возвратились только 9 августа: выпуск газеты «Идель-Урал» задержался, и им пришлось дожидаться его выхода. Вместе с фашистскими агитками они привезли очередную партию антифашистских листовок с обращением к легионерам.

Муса в тот же день встретился с Курмашем. Говорили о предстоящем восстании в батальоне, уточняли обстановку, обсуждали детали его проведения, расстановку людей. Джалиль был окрылен, он верил в ус-

пех задуманного дела, строил планы на будущее.

Курмаш был невесел. Его настораживала излишняя навязчивость Мурзагулова. Вызывала беспокойство и назойливость Ямалутдинова, особенно в момент, когда они распаковывали литературу. Беспокойство возросло, когда выяснилось, что Ямалутдинову не только рассказали о привезенных листовках, но часть их даже спрятали в казарме под его матрацем.

Улучив момент, Ямалутдинов связался с лагерной контрразведкой и передал фельдфебелю Блоку несколько экземпляров антифашистских листовок, указав, где и у кого хранятся остальные сотни, исполненных типографским способом. Фельдфебель немедленно доложил обо всем начальству и чувствовал себя на высоте положения.

Мурзагулов, разыскав Султана, донес ему о том, что в одной из книг, принадлежащих Джалилю, он видел черновик обращения к legionерам, написанный его рукой. Взять его не решился, так как Муса мог проверить, на месте ли рукопись.

Обнаружение листовок вызвало переполох, хотя и не было неожиданностью. Доложив обо всем в ведомство Гимmlера и вставку абвера, контрразведчики из отдела 1-Ц легиона, Унгляубе и вместе с ним Шафи Алмас и Гарип Султан двое суток прожили в напряженном ожидании, так как боялись, что командование подпольем может почувствовать ситуацию и перенести восстание с 14 августа на более раннюю дату, и тогда им не сдобровать.

Унгляубе и Хелли связывались с Берлином каждый по своей линии, составляли списки тех, кого готовились арестовать. Досье на Курмаша, Джалиля и других антифашистов в легионе и «Посредничестве» все больше пополнялись фактами.

Утром 11 августа в Радом, наконец, позвонили из ОКВ. Последовала команда об аресте нескольких десятков легионеров и тех, кто работал в Берлине.

По рассказам участников событий, в дальнейшем они разворачивались следующим образом. В тот же час все участники предстоящего концерта были собраны в столовой. Переводчик по поручению командования легиона в течение полутора часов знакомил их с программой предстоящего концерта.

Первым из столовой был вызван Тинчурин. Затем, с незначительным интервалом, один за другим — Абдулла Баттал, Абзалетдинов, Муса Джалиль, Гайнан Курмаш... По выходе из столовой их встречали эсэсовцы, обыскивали и сопровождали в зарешеченные «аппартаменты» отдела 1-Ц.

Пока все находились в столовой, в помещении культзвода и клуба производился тщательный обыск, выворачивали и распарывали все, вплоть до матрацев и подушек. В результате Блоку и другим лагерным ищейкам (с ними были также Алмас и Кунафин) удалось обнаружить и изъять спрятанные подпольщиками листовки с призывом к восстанию.

В отделе 1-Ц в это время свирепствовали Хелли, Унгляубе, Султан. Снимая с арестованных первый допрос о «преступной дея-

тельности» и «преступных связях», они подвергали их оскорблениям, избиванию, но так ничего и не добились. Вечером Муса Джалиль и его товарищи специальной автомашиной в сопровождении усиленного конвоя были переправлены в Варшавскую тюрьму. Все надежды теперь возлагались на военную прокуратуру.

Унгляубе и Султан отбыли в Берлин. События теперь переносились туда и происходили в «Посредничестве». Гарип Султан тщательно просмотрел все служебные бумаги Джалиля, находившиеся в его письменном столе и на квартире. Если верить показаниям Хамида Мурзагулова, которые он дал советскому следователю в августе 1945 года, в комнате Мусы Джалиля в доме Шафи Алмаса были найдены и представлены в следственные органы черновики текстов антифашистских листовок, исполненные рукой Джалиля и послужившие дополнительной уликой против него на суде.

Арестованы были почти все сотрудники «татарской студии» «Винета», в том числе мадам Шамсия Идриси, хотя к антифашистскому подполью она отношения не имела.

Абдуллу Алишева, известного детского писателя, друга и нестигаемого соратника Мусы Джалиля по борьбе, зондерфюрер Людерзон вызвал к себе в отдел пропаганды ОКВ, откуда он уже не вернулся. Фуата Булатова и Гарифа Шабаетова арестовали в помещении «Посредничества». Каждый, оставшийся в душе патриотом, ждал, что и над ним может быть учинена расправа.

В одной из «Маобитских тетрадей» Муса Джалиль указал, что предал подполье Ямалутдинов. Аресты, действительно, начались с его доноса. Но он знал лишь нескольких человек и только в Еддино. Тюремному же заключению подверглось сразу несколько десятков — одновременно в Еддино, Берлине и на Украине. Теперь установлено, что главными предателями Джалиля и его группы были Шафи Алмас, Гарип Султан и Кунафин, все сделавшие, чтобы остаться в тени на случай разоблачений в последующие годы.

Муса Джалиль являлся объектом их пристального внимания. Он стоял первым в «черном списке», который Султан вел на сотрудников «Посредничества». Располагая письменными доносами осведомителей, Султан анализировал их взаимоотношения, изучал связи за пределами «Миттельштелле», подсовывал платных агентов, одним из которых был Мурзагулов. Да и сам он, прикидываясь другом, старался втереться в доверие к Мусе, но проникнуть в подполье ему так и не удалось.

Гарип Султан вместе с оберштурмфюрером СС Ахуном Тагировым принимал участие в допросах. Шафи Алмас, Султан и Кунафин собственноручно изложили и передали следствию свои показания, «изобличающие» Джалиля и его соратников в ведении «большевистской пропаганды с целью подрыва морального духа легионеров и организации вооруженного восстания против великой Германии». Перепуганный тем, что листовки печатались на ротаторе, за который он отве-

чал, Раис Самат примчался к Султану и передал ему пространное заявление, в котором старался отмежеваться от всего и требовал строгого наказания «изменников».

Унгляубе никак не хотел расстаться с версией о связях антифашистской группы с советской разведкой. Обнаружение у Ахмета Симаева деталей от радиоприемника подливало масло в огонь. В кабинет Шафи Алмаса, который на время заняли эсэсовцы, таскали одного за другим сотрудников «Посредничества», редакции газеты «Идель-Урал», радиостудии «Винета» и уже в который раз разбирали подробности бегства из легиона Рахима Саттарова. Подозревали, что именно его подпольщики направили для связи на советскую сторону.

Султан и Кунафин то и дело названивали в Радом, Познань, Узедом, во все места, где находились легионеры. Интересовались поведением людей, занесенных ими в «черный список», готовили все новые и новые аресты.

Вместе с подпольщиками для виду арестовали и ряд доносчиков. Разумеется, их вскоре освободили и даже повысили в должности. Исламгулова, которого гитлеровцы наградили медалью «За услуги Германии», Гарип Султан забрал к себе, пристроив его в редакцию журнала «Татаро-немецкая корреспонденция». Тинчурина продержали под арестом один день и сделали старшим пропагандистом легиона. Ямалутдинова направили с экскурсией в Австрию, а потом перевели командиром взвода в строевой батальон. Все они и в новом качестве продолжали свою деятельность провокаторов.

В ходе предварительного следствия было установлено: антифашистская группа Курмаша-Джалиля охватывала своим влиянием как «Посредничество», так и подразделения «Волго-татарского легиона». «Благополучным» считался только третий батальон. Теперь же, когда следствие выходило на связи Курмаша и Джалиля, вызывал беспокойство и он. Предстояло установить характер этих связей, выявить «преступные» замыслы и т. п. Откладывать это в долгий ящик было нельзя. Надо было спешить. Но как выявить и предотвратить возможные события в батальоне, если Курмаш и Джалиль все берут на себя и даже, когда их жестоко пытаются, не выдают своих товарищей?

Участвуя в качестве представителя «Миттельштелле» в совещаниях штаба, командующего восточными «добровольческими» частями, Султан был в курсе многих мероприятий, в том числе тех, которые предпринимались для предотвращения возможных событий в третьем батальоне.

Прежде всего ОКВ был отдан приказ расконцентрировать батальон поротно и даже повзводно. Штаб батальона и штабную роту оставили в городе Станиславе. Остальные подразделения разместили в местечках Болехово, Долине, Сколе и других среди отборных немецких и венгерских воинских частей и дивизии «СС — Галичина».

18 августа 1943 года в третий батальон прибыла группа сотрудников абвера во главе с гауптманом Шмидтом. В качестве агента с ней должен был отбыть Гарип Султан, но в последний момент, посоветовавшись с

Унгляубе, он ушел от этого: в связи с участием его в арестах и допросах подпольщиков слухи о нем как о провокаторе могли дойти и до Станислава. Вместо себя он порекомендовал своего доверенного Мурзагулова.

Хамид Мурзагулов лично знал Мусу Джалиля, Гайнана Курмаша и некоторых других руководителей подполья, до самого дня ареста он общался и доносил на них. Перед отправкой в третий батальон Султан ознакомил его с тем, что к этому времени было добыто следствием, проинструктировал о линии поведения. По прибытии в батальон Мурзагулову предстояло связаться с Атнашевым, Бухаровым и другими. В разговорах с ними создать видимость, что он действует от имени Курмаша и Джалиля, которые, еще будучи на свободе, поручили ему в случае их ареста принять на себя руководство деятельностью антифашистского подполья в легионе. Тайная цель подобных встреч и бесед — выявить расстановку сил патриотов-антифашистов в батальоне, замыслы и готовность осуществить их практически.

Уже на первой встрече с Ахатом Атнашевым Мурзагулов разыграл все, как на хорошем музыкальном инструменте. Атнашев же больше молчал, сказал, что знает и Курмаша и Гумерова, но к их деятельности отношения не имеет. До пленения он был комсоргом гвардейского полка, опыт общения с людьми подсказывал ему, что Мурзагулов не то лицо, за которое выдает себя, и поэтому он не был с ним откровенен. На второй встрече он окончательно разобрался в нем,

понял, что тот ведет коварную игру. В тот же день Ахат Атнашев передал по цепочке своему активу, чтобы остерегались провокатора Мурзагулова.

Когда гауптману Шмидту доложили, что Мурзагулов потерпел провал и подпольщики его не принимают, тот распорядился о немедленном аресте всех, кто был на подозрении. Ахат Атнашев, Салим Бухаров, Булат Абдулвалеев и Борис Рафиков после ареста были препровождены в Львовскую тюрьму. Все они являлись командирами рот и взводов и в нужный момент должны были возглавить восстание в батальоне.

Гитлеровцы кое-что знали, но долго не могли установить, кто тот легионер из штабной роты по имени Аббас, которому Сайфельмулюков передал пачку листовок. Арестовали одновременно двоих — легионера Габбаса Кадермаева и переводчика Аббеса Шарипова. На допросах Кадермаев все отрицал. Для Шарипова все это было тоже «странно слышать». В результате Кадермаева вынуждены были освободить. Шарипова же вместе с Атнашевым и Бухаровым из Львова перевели в Берлин. Двух последних судили как соучастников по делу Курмаша — Джалиля. Булат Абдулвалеев без суда был заключен в концлагерь «Маутхаузен», а Борис Рафиков — в «Бухенвальд».

Возвратившись в роту, Кадермаев в ту же ночь с группой единомышленников подался в Карпаты. Их примеру последовали многие другие легионеры. В горы и леса уходили взводами и даже ротами, обходя эсэсовские заслоны и бандеровские патрули. Не

успевшая покинуть города штабная рота батальона была разоружена. Легионеров заперли в казарме, затем перевели в глубокий тыл — сначала во Францию, потом в Бельгию. Отдельным из них удалось бежать в пути. На ходу поезда они выпрыгивали из вагонов и скрывались в лесах до прихода частей Красной Армии.

Проводник, пожилой гуцул, долго водил по лесным тропам Черного леса группу легионеров, дезертировавших из местечка Долина. Когда вышли, наконец, на поляну, он укрыл ее в тени деревьев и сказал: «Ждите меня здесь», а сам исчез в чащобе.

Спустя час, он возвратился с группой вооруженных людей, одетых в штатское.

— Советские партизаны, — представил он их.

Темноволосый командир с автоматом наперевес крикнул:

— Кто старшой, ко мне!

Комроты легионеров вышел вперед.

— Я старший.

Командир добродушно произнес:

— Ну, вот что, твоих людей я должен буду на время разоружить. Да ты не беспокойся, все будет зер гут, как говорят немцы.

Легионеры нехотя подходили к дереву, складывали автоматы, пистолеты, гранаты и отходили в сторону. «Партизаны» тут же взяли оружие под свою охрану. Командир командовал:

-- По трое становись!.. Разобраться! Быстро, быстро, время не ждет! Смирно! — И улыбнувшись, сказал: — Ну, добре. А те-

перь побалакаем. Я — полковник УПА * Резун. А вы, стало быть, к большевикам подались?..

Все мгновенно прояснилось. Кто-то крикнул: «Товарищи, нас предали! К оружию!» — но было поздно. Одна за другой прогремели автоматные очереди. Около ста бывших легионеров были предательски расстреляны бандой бандеровцев во главе с Резуном Грегитой в Черном лесу близ города Станислава — ныне Ивано-Франковска.

* * *

Тем временем арестованные подпольщики были переведены из Варшавской тюрьмы в Берлин.

Муса Джаилиль знал о стойкости, которую проявляли его товарищи на следствии. С некоторыми из них он случайно встречался где-либо в коридоре или на прогулке, выражение их глаз, обрывки фраз, оброненных вдогонку, говорили о многом. С Булатом и Алишем вначале перестукивался, а потом удалось проковырять в стене дыры, и тогда общение стало ежедневным, ежечасным.

Основываясь на показаниях провокаторов и актах судебной экспертизы, исследовавшей почерки, в конце 1943 года следствие было завершено, военный прокурор подписал обвинительное заключение.

Прежде чем ознакомить с ним Мусу Джаилиля, следователь сказал:

---

* Так называемая «украинская повстанческая армия» — формирование украинских буржуазных националистов.

— Сегодня мы расстанемся, и я хотел бы спросить вас, Гумеров... Своим запирательством, да и тем, что, выгораживая соучастников, брали все на себя, вы вынуждали нас на резкие действия... Неужели вы рассчитываете на то, что суд простит если не вас, то хотя бы остальных?

Джалиль впервые за все эти месяцы почувствовал, что, наконец, можно быть откровенным.

— Поэтому вы и перешли со мной на вы? Я знаю, меня ждет смертный приговор.

— Но ведь это означает смерть, а вы так спокойно говорите об этом.

— Я не боюсь смерти.

— Гумеров, вы кривите душой. Кому же хочется умирать?

— Умирать я не хочу.

— Тогда как же понимать вас?

— А вы не думаете, что за пределами нашей жизни есть еще другая жизнь?

— О, вы стали верующим человеком? Ни Маркс, ни Ленин вам не простили бы этого.

— Я не верю в жизнь на том свете, которую обещают попы и муллы. Но есть жизнь после смерти — в сознании, в памяти народа.

— Я знаю вас несколько месяцев, но ни за что бы не мог подумать, что вы идеалист.

— Если я при жизни делал что-то важное, то этим я заслужил долгую жизнь после смерти.

— И вы серьезно думаете, что так оно и будет? — скептически улыбнулся следователь.

— Если человек этого заслужил, будет.

А тогда чего же бояться смерти? Цель-то жизни в том и заключается — жить так, чтобы и после смерти не умереть.

— Странная философия, — задумчиво произнес фашист. — Да и что вы такого совершили? Писали стихи. Ах, совсем забыл, вы хотели поднять восстание и перебить наших офицеров! Но ведь не удалось, а? Нет вам прощения, Гумеров!

Джалиль продолжал, хотя ему было нелегко говорить: он едва сидел — донимала боль в почках.

— Но, если мы не боимся смерти, это не значит, что мы не хотим жить! Совсем не так! Мы, коммунисты, очень любим жизнь, хотим жить и поэтому презираем смерть! А если эта смерть так нужна в борьбе за Родину, то зачем бояться, что я рано погибну?

Следователь встал, подошел к Джалилю и положил перед ним обвинительное заключение.

— Прочтите и поставьте подпись и дату. У меня нет времени выслушивать ваш бред.

Муса внимательно читал строку за строкой, но лицо его оставалось спокойным.

Прокурор предъявил обвинение, угрожавшее смертной казнью.

* * *

Мурзагулов и Гарип Султан вместе с карателями из абвера и гестапо торжествовали «победу». Вскоре после расправы над легионерами третьего батальона и суда над Джа-

лильцами Султан был награжден гитлеровским командованием медалью «Для восточных добровольцев» первой степени — за выявление врагов Германии, медалью, на которой кровь его соотечественников, оставшихся верными Родине. Одновременно ему была выдана денежная «премия».

Предательская роль Султана не осталась тайной для тех, кто вместе с ним подвизался на службе у фашистов. Уже тогда она стала просачиваться за пределы «Посредничества». Как только отгремели пушки и война закончилась победой советского оружия, она вовсе потеряла свою «привлекательность». И если раньше сотрудники «Миттельштелле» при встречах говорили о преступлениях, совершенных Гарипом Султаном, вполголоса, то теперь их ничто не останавливало.

В документах сохранилось немало высказываний тех, кто годы Великой Отечественной войны провел в стане врага, работал в татарском «Посредничестве», на чьих глазах прошла вся деятельность Гарипа Султана. Приведем лишь некоторые из них:

Шакир Алаев: «Султан поддерживал связь не только с политической разведкой (Унгляубе), но и с гестапо. Как резидент он имел у себя на связи осведомителей из числа служащих «Посредничества», лично принимал их, давал им практические указания по ведению слежки за сослуживцами...»

М. Г. Янгуразов: «В отношении Гарипа Султана я могу сказать, что он был нацистом первой степени, больше, нежели сами фашисты. К тому же он шпионил за своими

коллегами по «Посредничеству». Предательство джалильцев — это дело его рук и рук Кунафина...»

Мугин Бахтиков: «Гарип Султан — человек, предавший группу военнопленных антифашистов, активную роль в которой играл татарский поэт Муса Джалиль — Гумеров...»

Ф. Абзалетдинов: «Султан Гарип однажды подошел ко мне и сказал: «Ты не думай, что новый костюм, который ты получил и носишь, дал тебе Шафи Алмас. Это я и Унгляубе о тебе позаботились». Тогда же Султан выдал мне сто марок и поручил следить за теми сослуживцами по «Миттельштелле», которые считались неблагонадежными и были у него на заметке».

Паймук Блинов: «Помню, Султана приходилось остерегаться, так как он был связан с берлинским гестапо. Я сам был свидетелем того, что он принимал самое непосредственное и активное участие в аресте и допросах ряда легионеров, распространявших антифашистские листовки. Одним из них был Гайнан Курмаш...»

М. Шафиков: «Унгляубе мне рассказывал, что одним из тех, кто предал гестапо антифашистски настроенных легионеров, являлся переводчик Исламгулов. В числе тех, на кого он донес, был также Муса Гумеров. Насколько мне известно, Исламгулов был связан с Султаном...»

М. Кашапов: «От Унгляубе и Султана я получил задание выявлять антифашистски настроенных лиц из числа служащих «Татарше Миттельштелле» и легионеров».

А. Г. Ишмаев: «Сотрудник «Посредничества» Алаев предупреждал меня, чтобы в разговорах с Султаном и Кунафиным я был как можно осторожнее. Он обвинял их в предательстве 11 антифашистов. Это предостережение явилось причиной того, что я стал избегать разговоров с ними, выходящих за рамки служебных...»

Г. А. Уразаев: «Шафи Алмас и его заместитель Султан Гариб доносили фашистам на сотрудников татарского «Посредничества», проявлявших антигерманские настроения, располагали агентурой. Имели своих агентов также в частях «Волго-Татарского легиона...» По доносам Алмаса и Султана в августе 1943 года было арестовано 22 человека, в том числе Муса Джалиль, Симаев, Шабает, Алишев... Военным трибуналом они были осуждены к смертной казни и обезглавлены. Связан с гестапо был также Сабит Кунафин — правая рука Унглябе, Султана и Алмаса. По его доносам было арестовано около 50 татар...»

А вот что показал на следствии военный преступник Райнер Ольца, вместе с фон Менде осуществлявший непосредственное руководство деятельностью «Посредничества» и лучше других знавший своих подручных:

«...Из тех, кто работал в «Татарише Миттельштедте», мне известны:

...С у л т а н — татарин из Башкирии, 22 лет, студент, интеллигентный человек. Он проявлял недовольство Шафи Алмасом, которого многие упрекали в неспособности руково-

доть... Султана имелось в виду поставить на его место, но помехой этому была его молодость. Использовался Султан по выявлению антигермански настроенных лиц и находился в самом тесном контакте с Унгляубе, моим референтом по делам татар, одновременно проводившим работу в восточном министерстве...

...Н и г м а т и — татарин, приблизительно 28 лет. Насколько мне помнится, до плена он являлся старшим лейтенантом Красной Армии. Как и Султан, он был очень недоволен Шафи Алмасом и вел против него интриги. Он стал потом редактором татарского издания газеты для восточно-тюркских соединений при Главном управлении СС и получил эсэсовское звание оберштурмфюрер...

Тени загубленных соотечественников стоят перед Гарипом Султаном и поныне. Ему никогда не удастся замести кровавые следы он всегда в ответе за совершенные преступления против советского народа.

Свое удивление и возмущение высказывали ему не раз даже те, с кем он связан в наши дни. Многие, конечно, не знают всей правды. Но Давлетшин («Уйязбек» *) знает ее. В те дни он, на тех же правах, что и Гарип Султан, был вице-президентом «Татарише Миттельштелле» и тоже являлся подручным Унгляубе. После войны он был подобран деятелями ЦРУ США и до недавнего време-

---

* Псевдоним, которым Давлетшин подписывал свои антисоветские опусы, публиковавшиеся в профашистских листках.

ни обитал в Мюнхене, в так называемом американском «Институте по изучению СССР» *, подвизался на поприще антисоветчины.

Знает все и Нигмати (Нигматуллин), бывший эсэсовец, бывший руководитель татаро-башкирской редакции американской радиостанции «Свобода». Уж кто-кто, а он и Султан прошли всю зарубежную жизнь рука об руку, превосходно знают подноготную друг друга.

Знают, но помалкивают, боясь навлечь на себя неприятности, ибо тогда может всплыть их преступное прошлое.

Муса Джалиль вдохновлял советских военнопленных на решительную борьбу против фашизма. Надежды Розенберга привлечь советского поэта на сторону гитлеровской Германии провалились.

В марте 1944 года в Дрездене состоялся суд над организаторами берлинского и радомского подполья. В это же время, 3—5 марта 1944 года, в городе Грейфсвальде прошел «курултай» **, а 8 марта был провозглашен президент так называемого «Комитета «Идель-Урал».

Приговоренные к смертной казни джалильцы писали на стенах тюремных камер

---

* Ликвидирован в марте 1971 года. Архивы и сотрудники в значительной своей части переданы радиостанции «Свобода».

** В данном случае — сборище главарей «Волго-Татарского легиона», татарского «Миттельштелле» и других националистических формирований.

последние прощальные приветы Родине, а националисты один за другим выступали с пылкими верноподданическими речами, клялись в преданности фюреру и «великой Германии», призывали сражаться «до последнего патрона» против большевиков. Лилось вино. Вовсю старалась музыкальная капелла, специально вызванная из Франции, где размещался в то время штаб легиона. В числе специально подобранных делегатов «курултая» были Шафи Алмас, Гарип Султан, Кунафин, Исламгулов, Тинчурин, Давлетшин, Нигмати, Кашапов.

Вот как об этом вспоминает один из них — Кашапов:

«3 марта 1944 года утром из Даргбильского (вблизи Анклама) дома отдыха я вместе с Шафи Алмасом, Гарипом Султаном, Алаевым и другими сотрудниками созданного немцами «Посредничества» выехал в город Грейфсвальд, где должен был состояться «курултай» тюрко-татар «Идель-Урала». Открылся он вечером 3 марта, закончился 5 марта. В нем принимали участие генералы и полковники вермахта, работники министерства восточных областей, деятели фашистской партии, представители татарского «Миттельштелле», Туркестанского и других национальных комитетов. С докладом выступил Шафи Алмас. Антисоветскую речь на немецком языке произнес Гарип Султан. Его выступление особенно импонировало фашистам, и оно шло под их бурные аплодисменты... *

---

* С грязной речью против советского народа выступил также Нигмати.

Из Грейфсвальда поездом мы поехали в район Дрездена (курорт Ратен) на дачу Шафи Алмаса. Здесь состоялось избрание членов и президента «Комитета «Идель-Урал»...

В те дни Гарип Султан говорил мне, что в свое время народы «Идель-Урала» своими силами не смогли сбросить большевиков, якобы навязавших им советскую власть. Внутренними силами, говорил он, ничего нельзя было сделать. Для освобождения от большевизма нужна внешняя сила. Вот этой силой и явилась Германия во главе с Гитлером...»

Шафи Алмас сиял, как начищенный медный таз. Еще бы! Сколько он слышался упреков: белоэмигранты-туркестанцы, азербайджанцы, грузины, да мало ли кто еще, уже давно получили официальное признание своих комитетов, а он, ленивый и ни к чему не способный торгаш и маклер, бывший казанский коробейник, все никак не может добиться этого! В результате у татар всего-навсего безликое «Миттельштелле», где хозяин не он, Алмас, а эсэсовец Унгляубе.

Теперь-то злые языки должны поутихнуть! Отныне у них свой комитет, а это уже нечто вроде «правительства в изгнании».

Вслед за президентом Шафи Алмасом «избрали» членов комитета. Ими стали Султан, Кунафин, Давлетшин.

На следующий день эта новость попала в печать. Заключение Гумеров-Джалиль, надо полагать, не пропустил ее, — ему давали читать фашистские газеты. На полях этих

газет поэт писал стихи, ставшие потом известными всему миру под названием «Моабитские тетради». Среди участников собрания в Ратене было уже немало новых лиц, но те, кто составлял костяк «Комитета Идель-Урал», ему были хорошо известны.

Радость избранных в комитет была однако преждевременной. Как и прежде, им не удалось повести за собой советских военнопленных, одурманить их ядом национализма.

Напрасно Шафи Алмас и Султан метались по подразделениям легиона, убеждая соплеменников в том, что фюрер Германии под занавес войны готовит новое грозное «оружие возмездия». Группами и в одиночку легионеры бежали к польским, чешским, голландским, бельгийским и французским партизанам. В связи с этим рейхсфюрер СС Гиммлер заявил, что все так называемые «национальные комитеты» оказались ничем иным, как «гнилым плодом». Он настаивал покончить с ними. Выходец из прибалтийских немцев, сподвижник Гитлера, Розенберг не мог не посчитаться с мнением главы службы Имперской безопасности, отказался утвердить избранный «курултаем» «Комитет Идель-Урал», и вскоре «Татарише Миттельштелле» было переименовано в «Союз борьбы против большевизма».

Весной 1944 года по указанию Ольцша и фон Менде Султан выехал во Францию, в город Ле-Пюи, где был расквартирован и находился под присмотром части СС штабной батальон легиона.

Среди легионеров ходили антифашистские листовки, в батальоне назревала угроза массового дезертирства, многое свидетельствовало об активизации деятельности подпольных групп.

Провожая Султана, Унгляубе дал ему наказ:

— Вам предстоит не только выявить и ликвидировать подполье, но и обеспечить боеспособность батальона. Будьте решительны и беспощадны.

В помощь ему был придан Михаил Кашапов, обер-лейтенант, заместитель начальника военного отдела «Союза борьбы против большевизма». Он был под стать Султану — служил полицейским в лагере для советских военнопленных под Ржевом, участвовал в карательных операциях против брянских партизан, сотрудничал с абвером, потом с гестапо, был членом президиума «Союза борьбы против большевизма».

Свою задачу Гарип Султан выполнял совместно с абвером. Был беспощаден к любым, даже малейшим проявлениям патриотизма. Использовал, казалось, все возможные и невозможные средства и методы. Но ни провокации, ни пытки не помогли.

Как ни сложна была поставленная перед ним задача, однако Султан не забывал и о себе. Трехэтажные казармы, обнесенные каменной стеной, в которых размещался батальон, его никак не связывали. Днем — работа с доносчиками, участие в допросах тех, кто подозревался в распространении ли-

стовок и связях с французскими партизанами, вечерами...

В Берлине Гарип Султан слыл «сердце-едом». Он был молод, строен, со вкусом одевался. Женщин, которые желали того, он покорял своей внешностью и обхождением.

Не изменял своим привычкам он и во Франции. Бродил по узким кривым улочкам старого провинциального города, простаивал у броских вывесок и витрин лавок и винных погребков. Особенно любил бывать в ресторане «Лафайете». Здесь он занимал столик у окна с видом на горы и виноградники, знакомился с миловидными посетительницами—искательницами «приключений», заказывал французские вина.

Денег Гарипу хватало: командировочные и те, которые предназначались для агентуры в виде подачек за доноительство. Часть их он тоже расходовал на себя. А делал так: расписку от агента отбирал на бóльшую сумму, а давал меньше. Пойди, пожалуйста!

Захмелев, он терял над собой контроль, безмерно хвастался, стараясь показать себя человеком, обладающим секретами и неограниченной властью.

— Все равно заставляю этих сволочей выступить в горы. Лично буду руководить операциями. И тогда маки* и франтирерам** — крышка! Не я буду, если этого не добьюсь!

В результате бахвальства Султана французская партизанская разведка располагала

---

* Маки — французские партизаны.

** Франтиреры — «вольные стрелки».

вполне достоверной информацией о настроениях легионеров, положении в батальоне и даже о времени его выступления.

Вскоре был получен приказ ставки Гитлера предпринять карательные операции против французских сил Сопротивления в районе города Иссель. Сопровождаемый крупным подразделением войск СС, штабной батальон легиона начал свой марш ночью. На рассвете он должен был занять боевые рубежи, но случилось «невероятное». Уже в пути представители партизанской разведки и участники антифашистского подполья батальона вступили в контакт друг с другом. Когда в штабе батальона и боевого охранения СС спохватились, было уже поздно: значительная часть легионеров перешла на сторону французских партизан, образовав целый отряд, бойцы которого внесли свой вклад в антигитлеровскую борьбу.

17 августа 1944 года на юге Франции, на пути из Ле-Пюи в Сент-Этьен, партизаны окружили штаб и все, что осталось от штабного батальона. Гитлеровцам не оставалось ничего другого, как выкинуть белый флаг. Батальон, как таковой, практически перестал существовать.

Ускользнув от рук партизан, Султан последние дни августа провел в Париже вместе с Кашаповым. Вечером 24 августа они отводили душу в кабаре. В третьем часу ночи вместе с двумя девицами поехали в гостиницу, где у них был номер. Проснулись во втором часу дня. В этот день, а именно 25 августа 1944 года, в 12 часов 06 минут по берлинскому времени, руководитель антифа-

шистского подполья в легионе Гайнан Курмаш первым переступил порог помещения для казни в каторжной тюрьме Плятцензее. Сменив тюремных охранников, два помощника палача кинулись к нему. Палач раздвинул черный занавес. В сиянии электрического света перед смертником предстала гильотина. Точно рассчитанным ударом его уложили на стол «адской машины». Палач нажал кнопку. Нож гильотины сорвался вниз, и голова казненного полетела в корзину. Черный занавес задернулся.

В 12 часов 09 минут на плаху положил голову еще один руководитель антигитлеровского подполья в легионе «Идель-Урал», бывший работник Наркомторга Таджикской ССР, политрук Красной Армии Фуат Сайфелмулюков...

Пятым казнили Мусу Джалиля. Десятым — руководителя подполья в третьем батальоне легиона, бывшего политрука кавалерийского полка Ахата Атнашева. Последним в 12 часов 30 минут обезглавили уроженца Башкирии Салима Бухарова.

Казнь совершалась за толстыми тюремными стенами, и все же о последних днях и даже последних мгновениях жизни Мусы Джалиля и его соратников мы знаем, быть может, больше и достовернее, чем о том отрезке времени, который начался с первого дня плена и закончился 11 августа 1943 года арестом.

С небывалой силой и вдохновением в стихах, рожденных в застенках Шпандау и Моабита, выразил Джалиль те чувства, с которыми он шел навстречу смерти. Вот стихот-

ворение «Другу», обращенное к Абдулле Алишу. В нем ясный и твердый выбор между жизнью и предательством, вера в то, что они не будут забыты советским народом.

Чем, шкуру сохранив, забыть о чести,
О, пусть я лучше стану мертвецом!
Какая ж это жизнь, когда Отчизна,
Как Каину, плюет тебе в лицо!

Такого «счастья» мне совсем не надо.
Уж лучше гибель — нет обиды тут!
Не стану чужаком в краю родимом,
Где даже мне воды не подадут...

И этой смертью подтвердим мы верность,
О смелости узнает вся страна.
Не этими ли чувствами большими,
О друг мой, наша молодость сильна?!

Из тюрьмы Шпандау в последний путь их провожал сокамерник Мусы итальянец Р. Ланфредини, который потом скажет: «Запомните... татары умерли с улыбкой».

Дойдет до нас, советских людей, и письмо Абдуллы Алиша, сохраненное борцом за свободу бельгийцем Майзоном, в котором передан героизм джалильцев накануне их трагической гибели.

Еще один узник Шпандау — советский военнопленный В. И. Чебон — напишет родным Г. Шабаева: «Он просил передать, что погиб за Родину».

Казнь джалильцев совершалась на территории самого «рейха», поэтому, согласно однажды введенному порядку, во время нее обязательно было присутствие «святых» отцов. В данном случае им оказалсяправлявший обязанности гарнизонного муллы Бер-

лина Гани Усманов. Это был один из тех «каинов», которые, однажды продавшись врагам советского народа, навсегда растеряли всякое чувство Родины. Но, видно, и «каин» не выдержал: его настолько поразило мужество этих бесконечно далеких и чуждых ему по духу людей, что сначала в узком кругу, а после войны и во всеуслышание он признает: «Перед казнью Джалиль обратился к товарищам с последним словом и умер, как настоящий коммунист».

Спустя неделю после того, как палач доложил прокурору о том, что «приговор приведен в исполнение», и тюремный врач подтвердил это своим заключением, в руки советского военнопленного, работавшего в ОКВ, попали личные документы и прощальные письма всех одиннадцати антифашистов. На пакете было написано: «Казнены путем отсечения головы». Об этом тут же стало известно людям, знавшим Джалиля в Берлине.

Много лет спустя тот факт, что джалильцев не расстреляли, не повесили, а гильотинировали в берлинской тюрьме Плятцензее, будет вновь «переоткрыт», и даже найдутся вещественные доказательства казни — листки регистрации смерти одиннадцати узников в штандесамте берлинского района Шарлоттенбург.

А главное, случилось то, на что совсем не рассчитывали фашисты и их подручные: великий поэт погиб, но его поэзия вырвалась на свободу и продолжает жить. «Моабитские тетради» Мусы Джалиля стали символом несгибаемого мужества советских людей, обесмертили имя и подвиг советского поэта-ге-

роя, его боевых соратников, а палачей и доносчиков, теперь уже навсегда, пригвоздили к позорному столбу истории.

* * *

В тюрьмах Варшавы, Берлина, Дрездена Джалиль провел более года, вплоть до 25 августа 1944 года. И все это время его, безусловно, занимал вопрос о том, кто выдал антифашистское подполье. Он пытался найти на него ответ и в ходе предварительного следствия, и ожидая приговора, а затем и дня, когда он будет приведен в исполнение.

Он вспоминал и анализировал все, что предшествовало аресту, что удавалось узнать на сопровождавшихся избиваниями допросах и очных ставках в военной прокуратуре, во время коротких прогулок во дворе тюрьмы, или стоя под душем в тюремной бане, когда вдруг оказывался вместе с кем-либо из подследственных единомышленников.

— Предатель рядом с нами... Но кто он?

Ни Джалилю, ни его боевым соратникам не удалось выявить предателя, действовавшего изнутри подпольной организации, который знал бы ее участников, замыслы руководящего ядра и обо всем систематически доносил фашистам. Ищейкам из абвера удалось внедрить в группу Махмута Ямалутдинова, являвшегося в то же время доверенным Султана, но это произошло уже перед самой развязкой, когда контрразведке были достаточно известны и люди, и планы.

Муса перебирал в памяти встречи с теми, кто не являлся антифашистом, но почему-то

нередко оказывался рядом, старался разделить компанию с ним, разыгрывал из себя патриота, брюзжал на своих, поругивал гитлеровцев. Среди них были Шафи Алмас и Кунафин, Мурзагулов и Ямалутдинов, Абзалетдинов, ну и, конечно же, Гарип Султан.

Последние дни июля и начало августа 1943 года Джалиль провел в культвзводе роты пропагандистов, давно ставшем базой для работы подпольщиков. На одной из репетиций самодеятельного спектакля он заметил Ямалутдинова и Султана сидящими вдвоем на подоконнике. Они о чем-то тихо говорили и неприятно переглядывались. В перерыве Ямалутдинов подошел к нему и предложил себя на роль одного из персонажей, сказал, что до войны участвовал в спектаклях, которые ставил драмкружок при клубе по месту его работы. Потом почему-то спросил, не скучает ли он по дочурке, и даже назвал ее имя. Это было не к месту, но настораживало другое: имя дочери знал только Гарип Султан, да и то лишь по стихам, которые он однажды прочел.

Муса спросил:

— Ты знаешь мою дочь?

Ямалутдинов, видимо, понял, что перусердствовал и, сведя все к шутке, перевел разговор на другую тему.

В тюрьме Моабит, несмотря на строжайший запрет общения, от товарищей по борьбе он узнал о предательской роли, которую Ямалутдинов сыграл в арестах подпольщиков, произведенных в Еддино. Неприятное предчувствие не обмануло Мусу, когда он взял его под подозрение и не пошел на сбли-

жение с ним. Теперь в руках Джалиля были факты, изобличающие его как провокатора, и он сделал все, чтобы сообщить о них на волю.

Впереди были тюрьмы Тегель, Дрезденская, Шпандау, Плятцензее. Несмотря на болезненное состояние, вызванное пытками и неимоверно суровыми условиями, Муса Джалиль упорно работал — писал и переписывал стихи, полные любви к Родине и ненависти к ее врагам. Но мысли о провокаторе не оставляли его. Он понимал, что Ямалутдинов не мог предать всех: для этого нужно было знать многих. Аресты же были, как теперь он знал точно, произведены почти одновременно и в разных местах, подполье практически было разгромлено полностью. Такое можно было сделать только с помощью ряда агентов...

Теперь, когда все было позади и Мусу ожидала расправа, он сознавал, что подпольщиков подвела также излишняя доверчивость к тем, кто окружал их в стане врага. Подвело отсутствие опыта в конспирации. Всем этим не могли не воспользоваться абвер, гестапо и те, кто им прислуживал.

Его мысли все чаще занимал Гариб Султан.

Их знакомство началось с того, что тот узнал в нем, военнопленном Гумерове, поэта Мусу Джалиля. Потом эта встреча в «Посредничестве», его деланная радость... И еще много, много встреч...

С каждым разом Гариб Султан открывался для него чуть иной стороной, но всегда казался двуличным. Такой способен на все. Не случайно в «Посредничестве» кое-кто за-

глаза называл его маленьким спрутом, спрутишкой. Может быть, за то, что он был вторым после Шафи Алмаса, большого спрута? Но, может быть...

То, что его арест — следствие прежде всего и главным образом провокаторской, предательской деятельности Султана Гарипа, это теперь установлено и сомнения не вызывает. Но Муса об этом мог лишь догадываться, он не располагал фактами. Ведь в «Посредничестве» Султан являлся платным резидентом гестапо и был еще более законспирирован, нежели его осведомители, такие, как Кунафин, Мурзагулов, Исламгулов, Тинчурин, Ямалутдинов и другие.

Уже в тюрьме Муса узнал, что Султан и Кунафин привлекались нацистами в качестве переводчиков во время допросов Курмаша, Баттала и других подпольщиков.

В один из ноябрьских дней, когда следствие по групповому делу было, собственно, уже завершено и шла работа по составлению «Обвинительного заключения», в камеру Джалиля в Моабите вошел следователь, а с ним Гарип Султан.

Муса никогда не вытягивался перед фашистами в полный рост, даже тогда, когда этого требовали интересы подполья. Тюрьма же вовсе избавила его от подобной необходимости. Лишь привстал со своего места.

Разговор был недолгим. Следователя интересовали отношения Джалиля с теми, кто оставался на воле и подозревался нацистами в антифашистской деятельности. Муса знал некоторых из них, но какие-либо связи с ними категорически отрицал.

Нацист требовал признаний, угрожал применить пытки. Султан из кожи лез, чтобы помочь гитлеровцу, — под видом наводящих, он задавал Джалию провокационные вопросы, старался уличить его в заpiresательстве, играл на самолюбии, на чувствах национального достоинства, обещал смягчения приговора.

Муса был негибаем.

Его нервы были напряжены до предела, но внешне выглядел спокойным. По тому, какими фактами оперировал Султан, насколько он был осведомлен в деятельности антифашистов-подпольщиков, Джаиль понял: перед ним был спрут, шупальца которого простирались широко и уходили далеко вглубь.

28 ноября 1943 года в четверостишии «Двуличному» Муса Джаиль писал:

В девяноста девяти заплатах,
Но нет в душе прорех и нет заплат.
А ты в одеждах щеголял богатых, —
Душа твоя с заплатами подряд!

Нет ни малейшего сомнения в том, что этот двуличный щеголь — Гарип Султан.

В один из мартовских дней 1973 года Гарип Султан вышел из дома раньше обычного. Как всегда, осмотрелся, внимательно вглядываясь в лица прохожих, обращая внимание на стоявшие вдоль тротуара автомобили.

Улицы Нью-Йорка постепенно наполнялись деловым ритмом. Обгоняя друг друга, шли пешеходы. Вдоль витрин банка прохаживался полицейский. Яркое светило мартовское солнце. Его лучи отражались в лужах по-весеннему мокрого тротуара. Султан извлек из портфеля защитные очки, привычным движением надел их. Солнечный свет перестал бить в глаза, и окружающий мир предстал перед ним иным — исчезли контрасты, мягче стали тона.

До комитета «Радио «Свобода» Султан решил пройти пешком. По дороге обдумывал, как, придя на службу, первым делом посетит мистера Хоуленда Сарджента, президента комитета, и поздравит его с двадцатилетним юбилеем радиостанции «Свобода». Он имеет на это моральное право как ветеран, участвовавший в закладке ее фундамента.

Двадцатилетие... Перед глазами Гари́па прошел весь его жизненный путь от измены Родине и предательства до наших дней. Воспоминания наползали одно на другое.

...Ранним утром 3 февраля 1945 года Ки́ям Ги́лязиев, последний из редакторов фашистского листка «Идель-Урал», ожидая поезда на остановке подземной дороги «Фридрихштрассе» и прохаживаясь по перрону, неожиданно для себя столкнулся с Гари́пом Султаном, когда тот, покинув вагон встречного состава, направлялся к выходу. Внешний вид вице-президента «Союза борьбы против большевизма» так поразил его, что Ги́лязиев даже забыл поздороваться с ним и вместо этого лишь развел руками.

Султан находился в состоянии растерянности, был подавлен, спешил сам не зная куда и зачем.

— В районе Потсдама русские сбросили воздушную армию,— произнес он, и лицо его перекосилось от страха. — Надо выбираться из этого пекла. Здесь настоящий ад, какого я не испытывал даже на русском фронте: все взрывается и взлетает на воздух...

Напрасно фельдфебель Ги́лязиев, трусивший не меньше него, уверял, что это всего лишь панические слухи, что Красная Армия находится за Одером,— Султан и слушать не желал. Наскоро распрощавшись, он удалился в направлении Нойенбургштрассе, чтобы из бывшего «Посредничества» позвонить Унгляубе и, если он еще в Берлине, спросить, какие будут указания.

Здесь его ожидал удар: на месте дома № 14, в котором размещалось «Миттельштел-

ле», громоздились развалины—результат ночного воздушного налета советских бомбардировщиков на Берлин.

Надо было немедленно что-то предпринимать, но что?

Гарип направился к Сабиту Кунафину на квартиру. Сабит сидел за столом, уронив голову на руки. Он знал, что произошло ночью. Рухнуло не только здание, в котором размещалось «Миттельштелле», а теперь «Союз борьбы против большевизма». Канули в вечность его надежды, на волоске висит жизнь.

Усадив друга за стол, он поставил перед ним флягу со спиртом.

— И пить плохо, и не пить — скверно. Так лучше пей!

Гарип отказался.

— Что будем делать, Сабит? Пьянство — не выход из положения.

Шафи Алмас еще в январе, прихватив все, что было в кассе вверенного ему заведения, удрал в Швейцарию. Оставшись за него, Султан знал одно: в случае чрезвычайной обстановки, надо держаться фон Менде.

Вот и настал этот «случай». Султан связался с фон Менде и получил приказ срочно собрать всех работников «Союза» и вместе с ними отправляться на запад Германии, в Вестфалию.

В путь тронулись 4 февраля, во второй половине дня. Шел мокрый снег. С трудом пробивались по разбитым дорогам, сквозь толпы беженцев и завалы искореженной бомбами военной техники.

Обосновались поначалу в городишке Гокстере, где вместе с «идель-уральцами» нашли

приют также беглецы «туркестанского» и других антисоветских «комитетов» и «союзов». Недели полторы спустя, перебрались в Биверунген на Везере, разместились в «Банхофотеле» — небольшой вокзальной гостинице.

Султан проявлял нервозность, метался от одной крайности к другой. Собрав жалкие остатки своих сослуживцев, он приказал всем способным носить оружие записаться в «фольксштурм». Тут однако поднялся такой гвалт, что Гарипу пришлось отступить.

Потом им овладела другая идея — пробиться к американцам вместе с остатками «РОА». По слухам, штаб предателя Власова находился в Карлсбадене, и он тут же направил туда связного — унтер-офицера Тинчурина.

Однако и это вызвало недовольство. Боявшиеся справедливого возмездия предатели опасались, что американцы насильно передадут их своим союзникам — советскому командованию, а это их совсем не устраивало.

Все понимали, что гитлеровской Германии пришел конец. Гарипа Султана это приводило в дрожь, он искал новых хозяев.

В последних числах марта к «Банхофотелю» подкатил автомобиль, весь в маскировочных разводах, но так и не повидавший войны. Из него вышел фон Менде. Он был в штатском костюме. На его высохшем носу едва держалось пенсне, одно из стекол было разбито.

Султан обрадовался встрече. Фон Менде долго разговаривал с ним. После беседы Гарип пригласил для прощания с патроном остальных сотрудников. Фон Менде сказал им несколько напутственных слов, советовал не

бояться американцев, но сдаваться рекомендовал все же англичанам. Простился и отбыл, как говорили, на север Германии.

После этой встречи Султан заметно повеселел и даже обрел прежний петушиный задор. Своему другу Кашапову, на всякий случай сдернувшему с себя обер-лейтенантские погоны, сказал:

— Не волнуйся, эфенди Кашапов. Нас примут. Примут и англичане, и американцы тоже.

Перед остальными как вице-президент Гарип выступил с пространным заявлением. Вот как его изложил несколько лет спустя «эфенди Кашапов»: «Мы живем не только сегодняшним днем. Мы должны смотреть дальше и отныне ориентироваться на политику английского и американского правительства. Мы еще понадобится им в их будущей войне против России. Война выгодна и нам. В случае ее возникновения мы должны снова встать на сторону врагов советской России, только так мы можем заработать себе на хлеб. Задача сейчас заключается в том, чтобы сохранить нашу организацию и готовить к продолжению борьбы против большевиков».

Слова его были встречены без энтузиазма: каждый думал только о своем спасении, ничто другое их не интересовало и не волновало.

Одним из первых из Биверунгена исчез кандидат в «министры торговли» так и несостоявшегося мифического «государства Идель-Урал» Сабит Кунафин. Вечером 2 апреля, предварительно созвонившись, за Султаном заехал Баймирза Хаит, один из «деятелей» Туркестанского национального комитета, заместитель Вали Каюма. Он был на

грузовой машине. Вылезая из кабины, окликнул ожидавшего его у подъезда Султана, подхватил его чемодан, помог забраться в кузов.

Султан скрылся, не попрощавшись с коллегами, бросив их на произвол судьбы. Его путь, как и путь Баймирзы Хаита, шел по следам фон Менде. Хаит и Гарип представляли разные национальные комитеты, но их объединяло одно: ненависть к советскому народу. Хаит лично участвовал в расправах над патриотами Польши, Франции, Италии и Чехословакии. По его приказам были зверски убиты десятки узбеков и казахов из числа тех, кто был загнан в Туркестанский легион и отказывался воевать против Красной Армии.

Между тем фронт приблизился к Биверунгену настолько, что в городе была слышна артиллерийская канонада. Отсиживавшиеся в «Банхофотеле» предатели заволновались. Айдагулов, Самат, Исламгулов потянулись вслед за Султаном. Бежали кто на чем — кто на попутной машине, кто на своих двоих. Кое-кто из тех, кто не успел уйти, отстукивал на пишущей машинке — единственном уцелевшем инвентаре «Посредничества» — липовые справки, тщетно «доказывая» свою причастность к делу, за которое отдал жизнь поэт-герой Муса Джалиль и его соратники.

7 апреля 1945 года в Биверунген вступили американцы. Оказавшись у англичан, эсэсовец фон Менде передал «Интеллидженс сервис» данные на всю известную ему агентуру из числа националистов-изменников, служивших в разного рода посредничествах, комитетах

и легионах, и этим снискал себе доверие и признание.

Несколько позже, в 1947—1948 годах, действуя уже как резидент английской разведки, Менде сколотил группу до двадцати человек так называемых «лидеров» восточных национальностей. Англичане предполагали дать им специальную подготовку и использовать в качестве нелегальных эмиссаров и резидентов в советских национальных республиках. В состав группы вошли Султан Гарип, Вали Каюм, Баймирза Хаит, Нигмати.

Фон Менде увез свою группу в район Ганновера — Белифельде. Там, в просторном особняке, окруженном массивом зелени, под вывеской «Институт Востока» укрывалась английская разведывательная школа. «Восточные лидеры» проходили здесь шпионскую выучку.

С целью конспирации, используя свои прежние связи, фон Менде устроил так, что все его подопечные были фиктивно зачислены студентами Гамбургского университета. Иным он выхлопотал липовые документы. Султану была присвоена степень доктора и изготовлен соответствующий диплом, который не раз выручал его в дальнейшем.

В начале 1952 года по приказу из Лондона фон Менде перетащил разведгруппу в Дюссельдорф, где англичанами был создан шпионско-диверсионный центр по работе против Советского Союза.

В школе английских разведчиков Гарип проявил себя, как и в отделе 1-Ц, «способным на все и даже больше». По окончании учебы шефы из «Интеллидженс сервис», по реко-

мендации фон Менде, поставили его во главе так называемого «Союза борьбы за освобождение тюрко-татар и народов финского племени». «Союз» этот имел антисоветские националистические цели, в него зачислялись те, на чьих руках была кровь советских людей, кровь антифашистов многих стран. Султан формировал из себе подобных «боевые группы», которые английская разведка намеревалась забросить на территорию Советского Союза для ведения подрывной деятельности — шпионажа, диверсий, террора.

«Союз» однако просуществовал недолго. После ряда провалов и разоблачений его агентов советскими органами государственной безопасности англичане поняли бесперспективность своей затеи и прекратили его финансирование. «Союз» распался. Не у дел остался и Гарип Султан, но ненадолго: вскоре, в разгар «холодной войны», его подобрало ЦРУ США, которому требовались шпионы и фальсификаторы для работы на радиостанции «Освобождение» (теперь «Свобода»). Султан снова попал в родную стихию.

Несколько слов о послевоенной «карьере» его ближайшего друга Шигапа Нигмати.

После войны Шигап Нигмати Юсуф оглы выдавал себя за Йозефа Аксана оглы — турецкого гражданина, жил по фиктивным документам, на средства, добываемые путем воровства и спекуляции продовольственными карточками, которые сам подделывал. В 1948 году западногерманской уголовной полицией он был схвачен с поличным и арестован, но вскоре его выручил бывший эсэсовец фон Менде, пригревшийся в ФРГ под кры-

лышком нового режима и хорошо знавший Шигапа в прошлом.

В 1951 году Нигмати был снова подвергнут аресту — теперь уже за реализацию фальшивых денег. Но и на этот раз он сидел недолго. Его вызволил из тюрьмы нью-йоркский комитет «Радио «Свобода». На удивление всем, он тотчас был поставлен руководителем татаро-башкирской редакции.

Спустя некоторое время, уже в Мюнхене, Шигап вновь «набедокурил» и попался в руки полиции. Ему предъявили обвинение в изнасиловании малолетних. Однако до суда дело не дошло. Его снова, что называется, вынули из петли друзья с офицерскими званиями из ЦРУ, занимавшие влиятельное положение на «Радио «Свобода».

В те дни радиостанция ютилась в приспособленном для нее помещении бывшего Мюнхенского аэропорта. В шестидесятых годах США возвели в Мюнхене превосходные шестизэтажные корпуса из стекла и бетона. Власти ФРГ охотно поступились народным достоянием и предоставили им солидный кусок исконно немецкой земли. И те и другие действовали вопреки существующим нормам международного права, поскольку создавался центр подрывной деятельности против третьего государства — Советского Союза. Передающие устройства появились вскоре не только в Западной Германии, но и во франкистской Испании, на чанкайшистском острове Тайвань.

Сначала Гарипа использовали в штабквартире в Мюнхене. Убедившись в его провокаторских способностях, новые хозяева предо-

ставили ему пост повыше — перевели в Нью-Йорк. О тогдашней предприимчивости Султана можно судить хотя бы по тому, что в 1954 году, фактически не учась, он ухитрился получить диплом об окончании Мюнхенского, а позднее и Нью-Йоркского университетов. И даже стать профессором Колумбийского университета!

Гарип теперь — частый гость в Испании, во Франции, в арабских странах и странах Востока. Там он пытается завязывать знакомства с находящимися в поездках советскими гражданами, собирает шпионскую информацию о Советском Союзе, выискивает «факты» о положении в советских национальных республиках. Донесения его прямым ходом идут в ЦРУ, тем не менее не все проходит так, как хотелось бы. Он и сейчас нередко вспоминает одну из своих поездок, закончившуюся для него плачевно.

Это было в 1956 году. По заданию американца Конихолма (разведчика ЦРУ) он вылетел в Мекку. Перед ним была поставлена задача — вести антисоветскую обработку верующих паломников из Советского Союза. В случае удачи он должен был «заарканить» кого-либо из них.

Старички-паломники встретили его по-восточному дружелюбно. Однако стоило ему произнести несколько фраз, как они поняли, что имеют дело с антисоветчиком и выставили его за дверь. Спасли быстрые ноги. Что-то, а убежать за эти годы он научился.

Наведывается Гарип Султан и в Турцию. Не раз встречался с Заки Валидовым, карьера которого в годы войны закончилась его

арестом турецкими властями за попытку осуществить в стране фашистский переворот. Сейчас здесь живет семидесятилетний Вали Ахмед Мангар, татарский националист из белых эмигрантов, владелец фирмы по продаже западногерманских автомобилей «Мерседес». Султан работает над фальсификаторской книгой по «истории татар», и он финансирует его.

Вся эта антисоветская деятельность сопровождается неотступным чувством страха. Оно с ним везде и всюду, когда он бодрствует и когда спит. По ночам страхи являются в виде кошмаров и галлюцинаций: то граната, брошенная в своих в момент бегства к врагу; то нож гильотины, отсекающий головы джалильцев; то кровавая расправа, учиненная над советскими патриотами в Черном лесу... Но ни разу за все эти годы к нему не приходило чувство сожаления и, тем более, раскаяния. Предатель знает, что он за все в ответе перед советским народом, и это пугает его. Нередко им овладевает мания преследования.

Чтобы задним числом обелить себя, националисты из бывшего «Татарише Миттельштелле» приписывают себе всякие добродетели, пытаются оклеветать Мусу Джалиля, хотя и рекламируют себя поклонниками его поэзии.

Как-то Султану позвонил Кунафин. Был воскресный день. В Нью-Йорке Сабит бывает редко и Султан пригласил его в гости. Кунафин поблагодарил, но отказался, так как очень торопился домой, в штат Техас. Договорились встретиться в аэропорту.

Встреча была горячей.

До отлета самолета оставалось часа полтора. Они зашли в кафе. Кунафин, ныне тегасский делец по имени Джое Юнфин, угощал друга виски. Им было что вспомнить и о чем поговорить, — их роднило преступное прошлое.

— Ну как, готовишь новые позиции? — спросил Сабит. — Унгляубе писал мне, что в Западной Германии поговаривают о возможном закрытии радиостанции «Свобода». Он этого не простит ни немцам, ни американцам!

— Ах, вот ты о чем... Ничто не вечно под луной, как сказал поэт, — ответил Гарип, и в голосе его прозвучала тревожная нотка. — Ты пойми одно: радиостанция «Свобода», а с ней и «Свободная Европа», нужны Штатам, как разменная монета за большевистский принцип мирного сосуществования. Откроют Россия и страны советского блока свои границы для проникновения западных идей и информации, ну, кто же тогда будет драться за них?!

— А ты перебирайся все-таки ко мне в Техас. Хочешь — в мотель пристрою, а хочешь, на ферму. Мне нужен такой человек, как ты.

Гарип вздохнул, улыбнулся.

— Благодарю за поддержку, но мне ничто пока не угрожает, поверь.

Помолчав, Кунафин сказал:

— Слышал, что Муса Джалиль в России звание Героя получил. Кто бы мог подумать, что так все обернется?

Султан задумался.

— Скомпрометировать надо его, хотя бы посмертно. Как имевшего связь с гестапо и работавшего на немцев. Умел, мол, создавать видимость того, что борется против фашистов, на самом же деле провоцировал и подводил под удар других, своих соплеменников.

— Красивая ложь!— рассмеялся Сабит.— Ведь немцы отрубили ему голову. Кто же поверит в то, что ты говоришь?

— А помнишь Геббельса: «Агать, чтобы лишить способности самостоятельно мыслить»? Будет хорошо, если даже заставим сомневаться в нем. Важно, чтобы от его поэзии отвернулись и татары, и башкиры, и русские.

— И все же я не об этом.

Султан настойчиво продолжал:

— Можно и по-другому. Упирать на то, что человек-де он был неплохой, хотя и не обладал высокой культурой. Имел безупречный характер. С ним можно было хорошо жить. Его больше интересовали женщины, нежели политика, победа. Он вовсе не виноват в том, что ему приписывают всякие там небылицы, вроде того, что он был антифашистом. Арестовали же Мусу случайно, в числе других. Это было вскоре после покушения на Гитлера в 1944 году. Он не был руководителем подполья, а являлся рядовым корреспондентом газеты «Идель-Урал». И так далее.

— И опять-таки я не о том!

— Чего же ты хочешь от меня?

— Мы должны реабилитировать себя как-то, Султан...

— Прикрыться решил! — вспыхнул Гарип. — Ты что же, думаешь, что в России обо всем забыли? Тогда пойми: ложь в отношении Джалиля будет прежде всего обелять нас.

— Перебирайся ко мне, дружище.

Гарип встал, поставил фужер на стол.

— Не нравишься ты мне сегодня что-то, мистер Джое Юнфин. Ох, не нравишься! — И он покачал головой.

Горячего расставания не было. Они разошлись, не подав друг другу руки.

Кунафин долго размышлял над словами Султана. Сначала идея компрометации Джалиля показалась ему даже заманчивой: если Джалиль был человеком гестапо, то... Но из этого ровным счетом ничего не выстраивалось. Напротив, оборачивалось против тех, кто подвел его под гильотину.

Следствием этого разговора было письмо в башкирский город Стерлитамак, написанное Кунафиным к родственникам, которые там живут. В конце письма, без видимой связи с тем, о чем говорилось до этого, Кунафин написал:

«Муса Джалиль бы давно умер где-нибудь в лагере или в Германии, если бы мой друг Султан и я не помогли ему в Берлине. Мы знали, что он патриот, мы знали, что он советский писатель, мы знали все!!! И мы знали, как сохранить великого советского татарского писателя от смерти...»

Они «спасали» Мусу Джалиля!.. Трудно представить себе подобное кощунство и ложь. Впрочем, удивляться не приходится. К письму была приложена американская газета, в

которой «турок» Джое Юнфин рекламируется как... активный борец против фашизма, сражавшийся во время второй мировой войны в составе 44-й американской пехотной дивизии в качестве «частного лица».

От себя Джое Юнфин-Кунафин добавляет, что в годы войны в Польше его знали как партизана, а в Германии как писателя. Вот уж поистине, черное названо белым, а предательство возведено в добродетель!

Впрочем, сам Джое Юнфин в одном из писем кое-что проясняет. Он философствует: «Я пришел к убеждению, что человеческое общество подчиняется законам природы. Например, в мире животных всем определено свое место. Оказывается, нужны и волки, и медведи, и лисы, и зайцы...»

И еще: «Я вел переписку с профессором фон Менде... 2—3 письма в год пишу Г. Унгляубе, — он живет около Гамбурга. Часто вижусь с Султаном, Саматом. Не порываю связи с Нигмати. Меня совершенно не интересует, чем они занимаются. Я считаюсь с тем фактом, что на свете есть и волки, и медведи, и лисы, и зайцы», — утверждает он.

Примитивная, но все же философия, оправдывающая преступления, совершенные против человечества. Не поэтому ли Джое Юнфин-Кунафин упорно умалчивает, к какому именно зверью он причисляет себя и своего друга Гарипа Султана?

* * *

За двадцать лет работы в подразделении ЦРУ Султан пережил нескольких директоров

радиостанции и нескольких президентов ее «мозгового центра» — Нью-Йоркского комитета «Радио «Свобода». Добрался до поста руководителя туркестанскими редакциями в Нью-Йорке. Как говорится, президенты уходят и приходят, а клерки остаются! (Впрочем, совсем недавно приказом Х. Сарджента он снова был направлен в Мюнхен. Задача — «поддерживать» падающие антенны «Свободы».)

На его глазах и с его участием проходила вся деятельность этих филиалов ЦРУ: от пропаганды антикоммунизма в лоб — до современной утонченной, так сказать, модернизированной пропаганды.

Главным для него, как и для «Радио «Свобода», всегда было и остается добывание разведывательной информации, «открытие» так называемых теневых сторон в советской действительности, которые в радиопередачах можно было бы возвести в степень, сказать, что они вообще «присущи социализму» и на этом постараться, что называется, столкнуть друг с другом советский народ и правительство, трудящихся и партию коммунистов.

Этому он учит и других.

В 1967 году, например, он приезжал из Нью-Йорка в Мюнхен, где читал курс лекций для сотрудников и практикантов татаробашкирской и туркестанской редакций штаб-квартиры радиостанции «Свобода». Мы не будем касаться содержания его лекций, скажем только — они были выдержаны в духе махрового антикоммунизма, и усилия слушателей нацеливались на еще большую акти-

визацию подрывной деятельности против советского народа.

Кстати, вот как «благообразно» выглядит официальное сообщение об этом *.

«Мюнхен. В течение августа — сентября 1967 года сотрудники и практиканты РС имели возможность улучшить свои познания в области техники радиовещания под руководством нашего гостя — лектора Гарипа Султана... Этот курс был особенно полезен для членов и практикантов татаро-башкирской и уркестанской редакций... Тут же изучали принципы составления программ и искусство выражения организованной мысли на бумаге — изложение, объяснение и защита тезисов и т. п... Специальное внимание было обращено на татарскую грамматику, а также на грамматики родственных татарскому языков. Были проведены упражнения по разбору типичных предложений на татарском языке с целью помочь слушателям в овладении искусством составления полноценного скрипта для передач... Изучалась также техника выступления по микрофону в смысле литературного произношения и постановки голоса, что было особенно важно для татар и туркестанцев, родившихся за границей. Султан учил также, как следует читать обыкновенные сообщения и как драматические и религиозные произведения...»

---

* Помещено в бюллетене «Новости РС» за март 1968 года, издающемся в Нью-Йорке американским комитетом «Радио «Свобода» на русском языке.

...Гарип Султан шел на службу. Да, первое, что он сделает, так это то, что зайдет к мистеру Хоуленду Сардженту и поздравит его с двадцатилетним юбилеем радиостанции.

Двадцать лет, двадцать лет!.. Увлечшись размышлениями, Султан теперь уже не обращал внимания на пешеходов, на шум улицы. Лишь иногда, видимо, по привычке, он останавливался у витрин магазинов и парикмахерских, чтобы в отражении стекол еще раз посмотреть, кто идет позади него, и следовал дальше. Вспоминал время, когда радиостанцию «Свобода» ЦРУ США выдавало за «эмигрантскую». Это развязывало ему руки, давало возможность передавать в эфир все, что взбредет в голову, поливать грязью Страну Советов и даже прямо подстрекать слушателей к антисоветским действиям, не боясь быть за это привлеченным к ответственности. Теперь настали другие времена. Камуфляж этот решением американского конгресса сброшен, и деятельность радиостанции официально опекает и финансирует вашингтонская администрация. Но он-то хорошо знает, что это лишь видимость, что на самом деле мало что изменилось, что хозяин остался прежний. Сохранились и шпионские методы сбора информации, и антисоветская направленность пропаганды. Разница лишь в том, что теперь она балансирует между «холодной войной» и принципом мирного сосуществования, держа все же курс на «войну прохладную». В связи с этим и голос тех, кто призван осуществлять идеологическую диверсию против СССР, стал медоточивым, вкрадчивым, но не менее враждебным.

Гарип Султан — один из тех, кто не только использует, но и разрабатывает методику доведения до советского слушателя антикоммунистических идей. Главный стержень этой методики — подтасовка фактов, их фальсификация, создание видимости наличия в СССР так называемой оппозиции. Он считает, что в подрывной деятельности против советского народа стесняться в выборе средств не следует. Да и ему ли стесняться? Скольких хозяев он переменял, чьи только идеи не пропагандировал!

Чего ему всегда недоставало, да и сейчас недостает, так это знания советской действительности, советского образа жизни, характера советского человека. Впрочем, для того, чтобы лгать, этого знать не обязательно. Идей, которые могли бы привлечь русских, татар, башкир, узбеков на сторону Запада, все равно еще никто не изобрел, да и вряд ли они могут быть изобретены. Как ни прикидывай, остается одно: дезинформация о положении в свободном мире, клевета на социализм. Впрочем, это — тоже оружие. Особенно против тех, кто готов добровольно подставить свою душу.

На мгновение пришла мысль:

— Может быть, съездить в Россию, побывать в Татарии, в Башкирии, в Узбекистане...

Султан осекся. Ему стало не по себе от одной этой мысли. Смел он только перед микрофоном «Свободы», открытой же встречи с советским народом боится пуще всего на свете. Да и как встретят родственники?..

В городе Ишимбае Башкирской АССР и сейчас живет брат Султана, занимает просторную квартиру. Механик высокого класса, он влюблен в технику, имеет автомашину, мечтает совершить путешествие с семьей по всем советским республикам.

У него немало родных и близких. Иногда он перебирает их фотографии, и это доставляет ему удовольствие. Родители, братья, сестры, — родные, двоюродные, троюродные... Радости и печали. Больше радостей. Но есть и такое, что вспоминать неприятно, но и забыть тоже нельзя.

Среди фотографий нет фото Гарипа. Брат не желает и думать о нем, а говорить и по-давно. Это самая болезненная для него тема.

Гарип Султан закончил до войны одну из школ в городе Ишимбае. Любил читать, знал наизусть стихи Мусы Джалиля. В 1940 году сдал экзамены и был зачислен студентом отделения немецкого языка Уфимского педагогического института. Учился как будто старательно, на зимние каникулы приезжал домой. Брат моложе его на десять лет, но хорошо помнит, когда он уходил на фронт. Уже с фронта писал, что служит в саперных войсках, что ему присвоили звание младшего лейтенанта Красной Армии. Письмо обошло родных и близких. Все гордились им.

По рассказам одноклассников, он обладал способностью к языкам. Преподаватели института пророчили ему педагогическое будущее. Но самого его это не устраивало.

Еще в школе, а в институте и по-давно, Гарип Султан жил двойной жизнью: на людях

был активным, а наедине, жил мирком, созданным только для себя.

Позже, весной 1942 года, когда события поставили Гарипа Султана перед необходимостью защищать отчий дом, он при первой же возможности, изменив присяге, добровольно сдался в плен, оставив поле сражения, товарищей по оружию. Подлость, двуличие, сидевшие в нем, обернулись изменой Родине, предательством.

До семьи все это дошло после того, как победно закончилась война. Тяжело переживали весть о преступлении сына родители.

— Лучше получить похоронку, чем узнать такое, — говорила мать. Это сократило ее жизнь.

В шестидесятых годах до родных дошел слух о том, что он жив и работает на американской радиостанции «Свобода». Это тоже потрясло всех.

Изменив Родине, Гарип Султан навсегда порвал и с родными. Он знает, что они живы, и, конечно, догадывается об их отношении к нему.

Много лет Гарип Султан верой и правдой служит врагам своей Родины, выдергивает факты о «порочных явлениях» в СССР из критических статей, публикуемых в советской прессе и передаваемых по советскому радио, из бесед с советскими гражданами, посещающими капиталистические страны. В тех же целях пытается завязывать переписку с деятелями советской литературы и искусства. И как бы правильны оценки и высказывания советских людей ни были, он истолковывает их по-своему, во враждебных

нам целях, с позиций и в интересах своих работодателей, оправдывая тем самым свой хлеб.

И вовсе не заблуждался Гарип Султан, когда высказывал в отеле «Альпенблик» советским спортсменам или в письме к башкирскому писателю Ф. А. Исянгулову «свое отношение» к нашей социалистической действительности, к советскому образу жизни. Он резонировал установки своих хозяев. Ненавидя все советское, будучи лживым до мозга костей, он сознательно лжет, клеветает на нас.

Зная отрицательное отношение советских граждан к американской радиостанции «Свобода», Гарип Султан не представляется ее сотрудником, а обычно называет себя: «Профессор Султан». Иногда добавляет: «Колумбийского университета». Письма подписывает — «Азат Салават»...

Подойдя к зданию комитета, он вдруг остановился: его намерение поздравить шефа может быть воспринято некоторыми коллегами как бесцеремонность, бестактность, подхалимаж. Но все же решился. Мистер Сарджент не может не оценить такого жеста, а для Гарипа Султана это всегда было наивысшим мерилом.

Бросив в угол портфель, он постоял немного у своего письменного стола, не присаживаясь, взял несколько писем, заготовленных накануне для отправки в адреса отдельных учреждений и граждан Советского Союза. Позвонил в экспедицию, спросил, не поступал ли ответ от писателя Исянгулова, который он все еще не теряет надежды полу-

чить. Узнав, что письма нет, он подумал, что нечем будет отчитаться перед шефом, но все же решил идти к нему.

Секретарша принесла сводку мониторинговой службы, положила перед ним на стол.

— Вас касается, сэр, — произнесла она.

— Благодарю, — подчеркнуто вежливо ответил он.

Проводив секретаршу взглядом до самых дверей, он принялся за просмотр материалов радиоперехвата.

— Айгуль? — удивился он вдруг, встретив это имя.

Да, это было выступление Айгуль по советскому радио, в котором она решительно развенчивала Гариба Султана как лживую и продажную личность, как провокатора.

Султан получил очередную пощечину. Особенно неприятной для него была концовка выступления Айгуль: «Надо, чтобы в любой стране судили тех, кто отравляет настроение людям, их чистые души, наряду с теми, кто отравляет питьевую воду в колодцах».

Желание поздравить президента с двадцатилетием радиостанции «Свобода», по правде сказать, почти улетучилось, но он все же направился к нему. Пощечин, подобных той, которую нанесла ему Айгуль, он получает от советских граждан немало. Мистер Хоулэнд Сарджент знает об этом, и стесняться его не приходится. Это «издержки» и его деятельности, и быют они по хозяину не менее чувствительно, чем по лакею.

Выпивали они часто, по поводу и без повода. Собирались обычно, когда Султан из-за океана навещался в ФРГ.

Для Мисбаха Шайхутдинова (он же Мисбах Мифтах-оглы) эта встреча возникла сама собой. На самом же деле она была задумана и подготовлена его друзьями заблаговременно. Подогревал ее Султан, намекавший Нигмати на то, что Мисбах Шайхутдинов, их давний друг, по слухам, стал страдать «недержанием тайн». Он желал убедиться в этом лично, после чего они приняли бы «защитные меры». Повод для встречи был: в очередной приезд в Мюнхен Султан решил отметить день своего рождения.

Мисбах, татарин, родом из Казани, попав в плен, после разгрома гитлеровцев остался в Германии. Нет, в годы войны он не предавал Родину, не служил ни в «Волго-татарском легионе», ни в «Посредничестве», — все это время ему пришлось работать в шахтах. Но, когда война закончилась, он дал запугать себя всевозможными «карами», которые якобы ждут бывших военнопленных на Родине,

и решил не возвращаться. Американцы предложили ему место на радиостанции «Освобождение» (теперь «Свобода»), говорили, что ее назначение — «борьба за мир». Он поверил и вот уже восемнадцатый год трудится там. Был рядовым, теперь режиссер татаро-башкирской редакции. К середине пятидесятых годов он понял, что обманут, что «Свобода» ведет подрывную деятельность. Он пытался уйти в экономику, однако никуда не принимали. Грызла совесть, но он утешал себя тем, что «непосредственно козни против Родины не строит».

В последние годы Шайхутдинов не упускал случая встретиться и поговорить с советскими людьми, посещающими ФРГ, чтобы отвести душу, услышать слово о Советской России, где прошли его детство и юность. Работа на американцев и жизнь на чужбине, как он говорил, его тяготили.

Особенно сильное впечатление произвела на него встреча с родной сестрой, приезжавшей в Австрию. После многолетней разлуки им довелось пробыть несколько дней вместе. Она рассказывала брату о родных, об их жизни. Мисбах слушал сестру так, как слушают шорохи в ночном лесу, старался представить себе каждого из близких людей, задавал вопросы, вспоминал свою молодость.

Особенно поразил его рассказ о матери. Она не вынесла горя и умерла через полтора года после его первого письма с чужбины.

На встречу с сестрой в Зальцбург за Мисбахом увязался его шеф Шигап Нигмати. После первой же рюмки он затеял разговор о колхозах, о «превосходстве» татарской на-

ции, молот всякую гнусность вроде того, что татар-де в Советском Союзе «зажимают», что «Татария с Сибирью и Астраханью могла бы быть независимым государством».

Сестра Мисбаха дала высказаться Нигмати, а потом сказала:

— Все это — детский лепет. Будто живете в средневековье, а не в наше время. Дальше собственного носа ничего видеть не желаете. И потом — не оригинально все это. От вас так и несет нацизмом.

Мисбах поправил сестру:

— Национализмом...

— Какая тут разница, брат? Главное, ворота к старому не будет, не дождетесь этого. Вот вы, Шигап, затеяли разговор о колхозах. А что вы знаете о них? Ничего! Ваши разговоры — писк комара в бурю.

Так и сказала: «Писк комара...»

Нигмати как-то сразу утратил самодовольный вид. А Мисбах задумался. Все это очень перекликалось с тем, что не раз говорила ему Лида — жена, еще девочкой увезенная гитлеровцами в Германию.

— Знаешь, дорогой, так хочется поехать на Восток, подойти к границе Советского Союза и крикнуть: «Хочу домой»! Надоело быть только поломойкой. Хочу жить полнокровно, среди своих. Но встанешь утром, увидишь тебя, детей, и снова все идет по-старому...

На встречу с Султаном и Нигмати Мисбах Шайхутдинов пришел без особого желания, в подавленном состоянии.

Сколько Гарип Султан ни пытался узнать, что произошло с ним, он так ничего и не добился. Шайхутдинов даже вспылil:

— Или прекрати домогательства, Гарип, или я уйду.

Нигмати отнесся с пониманием.

— Отвяжись от него. Давай лучше выпьем.

Между тем Мисбах находился под впечатлением «откровений» Нигмати, которыми тот поделился с ним несколько дней тому назад то ли под влиянием ссоры с Гарипом, то ли под действием вина. Раньше Мисбаху казалось, что он знает о своих друзьях все или почти все. Но, оказывается, он не знал очень многого и, может быть, даже самого главного. Особенно о Султане.

В тот же вечер Нигмати прибежал к Мисбаху на квартиру, буквально вытащил его из ванной и потребовал поклясться, что рассказанное им «по пьяной лавочке» не дойдет ни до Гарипа, ни до сослуживцев. Мисбах дал слово, так как знал, что иначе это может для него плохо кончиться, как бывало с другими. Это его еще больше вывело из состояния равновесия, и он уже ничего не мог с собой поделать.

Нигмати догадывался об этом и молчал.

Но что же рассказал он о Султане такого, отчего Мисбаха бросало в озноб?

Мисбах и сам знал, что Султан сидит в ньюйоркском комитете «Радио «Свобода» и оттуда руководит антисоветской подрывной деятельностью так называемых туркестанских редакций. Известно ему было и то, что Султан пользуется особым расположением

президента комитета — мистера Хоуленда Сарджента, что тот особенно ценит его услуги в качестве «советника» по методике ведения радиопропаганды против советских народов. Иногда Султан сам бахвалится, что бывает в странах, которые посещают советские ученые, литераторы, деятели искусства, пытается завязывать с ними контакты, получать «нужную информацию», что поездки эти оплачивает ЦРУ. Из разговоров с другими и по личным наблюдениям Мисбах знал, что Султан подлый человек, у которого нет ничего святого, что он ведет слежку даже за собственными сослуживцами. Но, оказалось, и это — еще далеко не все!..

Да, неприятно было на душе у Мисбаха Шайхутдинова. Чтобы немного отвлечься, он пил рюмку за рюмкой и наконец почувствовал приятную расслабленность. Разговор тем временем зашел о современной молодежи — детях тех, кто изменил Родине и теперь выдает себя за эмигрантов из Советского Союза. О том, что они не представляют, что такое Родина, не знают культуры и языка своих предков. Что это очень плохо, и прежде всего для них самих.

Сейчас трудно сказать, кто начал этот разговор. Только Нигмати, захмелев, стал добиваться от Мисбаха ответа на волновавшие его вопросы:

— А почему так происходит? Почему? Ты скажи мне точно. Я хочу знать!

Султан поддержал его:

— Не юли, Мисбах. Ты человек всеведущий и всезнающий. Или боишься меня, его,

а? — Он ткнул пальцем в Нигмати и рассмеялся.

— Хорошо. Возьмем, к примеру, твоих детей...

— Моих, так моих, — согласился Султан.

— Сын твой Фарит — студент университета, спортсмен. Дочь Карима — гимназистка. Славные ребята. А что ты даешь им? Воспитываешь в духе гитлерюгенда, в абсолютной ненависти ко всему русскому, советскому. Делаешь из них таких же человеконенавистников, как ты сам, как Нигмати.

Султан весь передернулся, но промолчал.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Нигмати, которого это вовсе не задело.

— Пусть говорит! — оборвал его подвыпивший, но все отлично понимавший Султан. Для него важно было втянуть Мисбаха в активный разговор, чтобы выявить причины, так заметно изменившие его взгляды.

— Я не предлагаю, я фиксирую. Наши дети, как и мы, оторваны от собственного народа, как и мы, не знают, чем он живет. Мы же прививаем им одну ненависть, делаем из них фашистов. Не лучше ли, чтобы они сами разобрались во всем? Жить-то ведь им! И потом, если мы говорим об объективности нашей информации, то самим-то нам хорошо известно, чего стоят эти слова.

Нигмати хотел возмутиться, но Султан одернул его.

— Не по твоим ли настояниям, Гарип, становился я на колени перед приезжающими сюда советскими? — продолжал Мисбах, все более возбуждаясь. — Умолял — сделай-

те одолжение, бросьте вот это письмо в адрес радиостанции «Свобода» из Уфы или Казани, иначе меня выгонят с работы! А все для того, чтобы поддержать миф о том, что там, на Родине, нас слушают и даже желают нам успехов.

Султан долго смотрел на Мисбах, потом перевел взгляд на окно. На улице темнело. Скоро город зальют своим светом вечерние огни и тогда...

— Я не ошибся, Мисбах, когда взял тебя на заметку, — прищурившись, произнес он. — Нет, нет, не ошибся! Вон как ты заговорил в последнее время!

— Шигап тоже у тебя на крючке? — спокойно поинтересовался Шайхутдинов.

— Шигап — мой единомышленник, сподвижник! — заявил Султан и обнял Нигмати. — Верно я говорю, Шигап, или ты будешь оспаривать это?

— Точно, Гарип. А он... Ну его! Пошел к черту! — махнув вилкой в сторону Мисбаха, крикнул Нигмати и, прихватив кусок ветчины, сунул его в рот.

Шайхутдинов отпил глоток воды, и коли на то пошло, решил высказать все, что накипело.

— Значит, верно про тебя говорят, что ты изучаешь «благонадежность» своих коллег? Даже шефа твоего из ЦРУ называют.

— Ого! — подпрыгнул Нигмати.

Мисбах требовал ответа:

— Верно или, может быть, наговаривают на тебя.

Султан побагровел.

— Много знать хочешь, мой друг!

— Но ведь во время войны в «Посредничестве» ты вел «черный список»? И не только это... Вот почему ты живешь под постоянным страхом. Боишься, что могут украсть, как невесту, и учинить суд возмездия, — на одном дыхании, глядя Султану прямо в глаза, сказал Мисбах.

Гарип оборвал его:

— Ты слишком много знаешь, приятель!

Мисбах бросил взгляд на Нигмати, и заметил:

— Не больше, чем знает о тебе Шигап.

— Ты меня не впутывай в свою аферу и не черни! — взорвался красный от возмущения и страха Нигмати. — Наша дружба с Гарипом на века! Как ты можешь, Гарип?! Меня с грязью смешивают, а ты спокойно терпишь. Или ты готов предать своего лучшего друга?

Султан положил руку на плечо Мисбаха, нарочито отвернулся от Нигмати и вкрадчиво поинтересовался:

— Что же тебе рассказывал обо мне Нигмати?

— Страшный ты человек, Гарип, — произнес Мисбах и хотел было встать. Но Султан остановил его.

— Ну, так что говорил Шигап, а?

Из-за плеча Султана Нигмати грозил Мисбаху кулаком.

— Что говорил Нигмати, я спрашиваю! — уже почти кричал Султан.

— Нигмати — такой же нацист, как и ты. При случае он обещает резать всех, кто вспомнит Советы.

У Шигапа даже отлегло от сердца. Он действительно говорил так не раз и секрета из этого не делает.

Султан тоже несколько успокоился, но не отступал.

— Однако ты, Мисбах, и в самом деле страдаешь недержанием. Вспоминаешь то, что должен был давно и навсегда забыть. Да и мысли твои с коммунистами. Впрочем, только ли мысли? Может, проданся, а? И сестра твоя приезжала сюда... Только ли для того, чтобы повидать брата-предателя?..

Мисбах решительно встал, уперся руками в стол.

— Это ты предатель, Гарип! Прошу, ответь мне на один вопрос.

Султан насторожился. А Мисбах уже не мог остановиться.

— В годы войны ты немало месяцев провел с Джалилем. Потом выяснилось, что он казнен. А ты жив остался. Ты должен знать, кто предал Мусу. Назови мне имя предателя, и я от тебя отстану.

В вопросе чувствовался подвох. Султан ухмыльнулся, потом зло посмотрел на Мисбаха, на осоловевшего Нигмати.

— Меня подозревают... Хм... А почему ты не подумал на Шигапа, что он предал поэта? Он тоже был с ним. Ну, Мисбах...

Шигап, едва ворочая языком, пробурчал:

— Ты пьян, Гарип! И вообще, довольно об этом, надоели...

Мисбах потряс его за плечи.

— Скажи, Шигап! Скажи ему все, о чем ты говорил мне! Хватит молчать, пусть узнают об этом все!..

Через несколько дней в националистическом журнале, издаваемом в ФРГ эмигрантом-антисоветчиком Гали Акышем, появился некролог:

«17 ноября от тяжелых увечий, полученных при автомобильной катастрофе во время следования из Мюнхена домой, скончался режиссер татаро-башкирской редакции радиостанции «Свобода», наш соотечественник Мисбах Мифтах оглы... Он был одним из борцов за свободу нашего народа, горячо любил свою родину, свой народ. Пусть ему, безвременно ушедшему от нас соплеменнику, земля будет пухом. — Нигмати Юсуф оглы».

О трагической гибели Мисбаха на радиостанции «Свобода» узнали на утро следующего дня: офицеру безопасности позвонили из немецкой полиции.

Многие сотрудники недоумевали: как это он, такой осторожный в езде человек, и вдруг?.. Высказывались версии, одна другой невероятнее. Утешали себя тем, что его мог сбить лихач, возможно, подвыпивший немец или американец, что нередко случается на дорогах ФРГ. Но говорили и другое: здесь-де дело «не чистое», кто-то, возможно, решил таким образом избавиться от свидетеля «темных дел». Такое тоже бывало.

Версии превращались в слухи, которые ползли от редакции к редакции, от сотрудника к сотруднику, все более подогревая воображение людей, обостряя в них чувство взаимной подозрительности и страха за себя, за свое завтра.

Позже других узнал обо всем Равиль *, находившийся в командировке в Испании в поисках контактов с советскими футболистами. Прочитав некролог и сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, он воскликнул:

— Ну какой же Мисбах борец за «свободу»?! Так, отсиживался до лучших времен, благо платили. — Потом задумался и с грустью добавил: — Впрочем, все мы здесь ходим в одной упряжке.

— Я вижу, тебя мучает совесть, — растянув рот до ушей, ехидно заметил Нигмат. — Какая она, совесть? Покажи, дай пощупать!.. — И он закатился неприятным смехом. Потом как-то сразу посерьезнел. — А я плевал на все! Лучше слушай меня, скажу как другу. — Он осмотрелся и перешел на полусшепот. — Тому, что говорят, не верь. Катастрофу Мисбаху подстроил Гариб Султан. Теперь знаешь — и на этом точка!

Это произвело на Равиля удручающее впечатление.

— Зачем же так... — Потом одумался. — А ты помалкивай, если это правда. И я ничего подобного от тебя не слышал, ясно?

— В некрологе всего не укажешь... А виноват я: сболтнул лишнее о Джалиле.

— При чем здесь Муса? — удивился приятель.

— Ну, это, друг, не твоего ума дело, — огрызнулся вдруг Нигмати.

Еще не утихли толки вокруг гибели Мисбаха, как на Гариба Султана обрушились новые неприятности, — в 1973 году совет-

---

* Имя изменено. — Авт.

ское телевидение показало телезрителям полнометражный документальный телефильм «Радиодиверсанты». Он обошел телеэкраны ряда социалистических стран. По программе ГДР его смотрели и в Западной Германии. Записанный на видеоленту, он, безусловно, демонстрировался и на радиостанциях «Свобода» и «Свободная Европа». На беглецов и предателей он произвел впечатление разорвавшейся бомбы. В нем раскрывалось подлинное лицо коллег Гари́па и его самого тоже. Султан до сих пор живет под его впечатлением, стал реже появляться в местах, где бывают советские люди, а если и бывает, то не один, а с кем-нибудь из сотрудников редакции, иногда вдвоем с Нигмати.

И тому и другому очень хочется, чтобы люди скорее забыли об ужасах войны, об их собственных черных делах предателей и провокаторов. Но проходит время и тайное становится наконец явным. И то, о чем сейчас знают единицы, станет достоянием всех. Не легко придется тогда Гари́пу Султану и его дружкам!

Когда в годы Великой Отечественной войны советский народ отстаивал свои завоевания, терпел великие беды и нес неисчислимые жертвы в смертельной схватке с гитлеровскими захватчиками, осуществлял великую историческую миссию по освобождению от Германского фашизма народов Европы, Гариб Султан и подобные ему отщепенцы рука об руку с самыми черными силами фашизма активно действовали в стане врага. Подвизаясь на попрание предателей, они предавали не только свою Родину, но и народы союзников, с легким сердцем и завидным усердием совершали одно преступление за другим.

И сегодня по земле продолжают безнаказанно ползать чудовища прошлого, отравлять атмосферу доверия духом вражды и антисоветчины. Преступники, справедливо клейменные на родине, нашли убежище и приют на земле Федеративной Республики Германии и США.

Политические трупы с уголовным прошлым, они играют в благородство, прикидыва-

ются «благодетелями» советских людей, уверяют, будто бы ведут с народами Советского Союза «конструктивный диалог» по различным общественным проблемам.

Все это — демагогия чистой воды. В действительности они никогда не сходили с враждебных советскому народу позиций, обливают его грязью национализма, ведут подрывную шпионскую и диверсионно-пропагандистскую работу, находясь на службе Центрального разведывательного управления США. С головой продавшись империалистическим разведкам, они пытаются учить советских людей, как им жить. Скрываясь под маской доброжелательности, они ищут встреч с советскими гражданами, чтобы потом использовать эти контакты во враждебных нам целях, чтобы помешать мирному сосуществованию государств с различными политическими системами.

Обеспокоенные этим, прогрессивные люди Запада требуют прекращения подрывной деятельности и закрытия американской радиостанции «Свобода». Вопрос о ее существовании и враждебной СССР практике изменников и предателей далеко не праздный. Он является частью общего вопроса — вопроса о борьбе за мир и безопасность на нашей планете.

В арсенале Гариба Султана и его друзей — методы и повадки заурядных шпионов-provокаторов. Но султаны существуют, пока жива питающая их почва, пока живы их хозяева.

И Султан, и Нигмати, и Кунафин давно потеряли человеческий облик. И, если мы

говорим о них, то только для того, чтобы советская молодежь, молодые люди социалистических стран были полнее информированы, чтобы они свободнее ориентировались в том, кто наши друзья, а кто — враги, в какую тогу они рядятся, кому в действительности служат, каковы их настоящие цели, которые они пытаются тщательно маскировать.

Встречаясь с советскими гражданами за рубежом, Гарип Султан называет себя «борцом за свободу», профессором-советологом Колумбийского университета, «поклонником» таланта преданного ими поэта-героя Мусы Джалиля. В действительности же он враг советских людей, верноподданнически служил гестапо, английской разведке, а теперь также ревностно служит внешнеполитической разведке США.

Он по-прежнему живет под кличкой «Гарип Султан», отказался от всего, что для каждого человека является святым, — от Родины, от матери, от родных и близких, от наших идеалов. На самом деле его зовут Гариф, фамилия — Султанов, как уже было сказано, родился в городе Ишимбае, учился в Уфе, но с советским народом его давно уже ничто не связывает. Он заплатил ему черной неблагодарностью, оставил в его душе черный след, — след запекшейся крови.

СОДЕРЖАНИЕ

«Радетель»	5
«Война, сами понимаете...»	23
Апрель — июль 1942 года. Харьковское на- правление—Пиотрокув — Седльце — Вустрау	23
Лето 1942 года. Берлин	41
Осень 1942 — апрель 1943 года. Берлин — Варшава — Едлино	65
Май 1943 — март 1944 года. Берлин — Ра- дом — Ле-Пюи	86
Прежней дорогой	137
Тайна, которую унес с собой Мисбах	160
Послесловие	172

*Юрий Владимирович Карчевский
Николай Иванович Лешкин*

ЛИЦА И МАСКИ

Редактор *Л. А. Виленчик*
Художественный редактор *С. П. Евлдов*
Технический редактор *Г. А. Даутова*
Корректоры *А. Г. Ахметова,*
З. В. Сайфуллина

ИБ № 2207

Сдано в набор 26. 01. 82. Подписано к печати 01. 03. 82. Формат бумаги 70×90^{1/32}.

Бумага тип. № 2.

Гарнитура Балтика. Печать высокая.

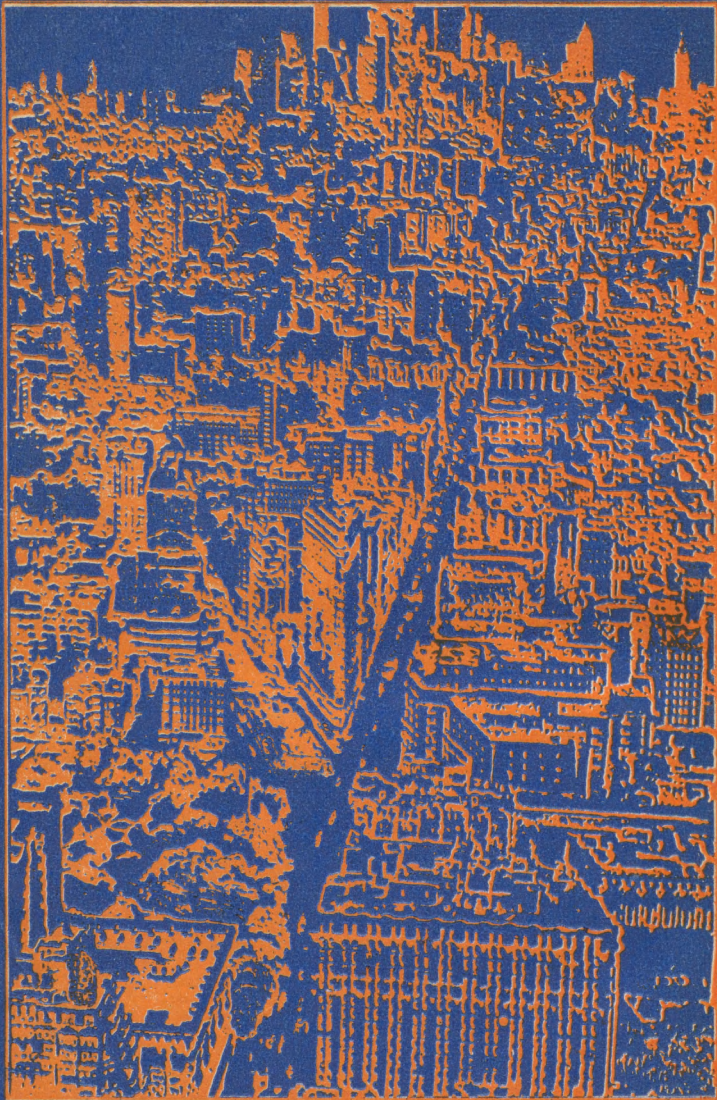
Условн. печ. л. 6,43. Усл. кр.-отт. 6,58.

Учетн.-издат. л. 6,02. Тираж 10 000 экз.

П03197. Заказ № 34. Цена 15 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25.
ул. Советская, 18. Уфимский полиграфком-
бинат Госкомиздата Башкирской АССР.
Уфа-1, проспект Октября, 2.

15 коп.

THE HISTORY OF THE UNITED STATES OF AMERICA